PG 3361
.S36 P63

1816

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Shalikov, Petr Ivanovich, kniaz
Poslanii v stikhakh.

ПОСЛАНІЯ

ВЪ

СТИХАХЪ

К. П. ШАЛИКОВА.

Qu'il est doux de se dire à soi-même :
Je n'ai point d'ennemis ; j'ai des rivaux que j'aime !

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1816.

PG3361
.S36P63
1816

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Августа дня, 1816 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарной Профессоръ и Кавалеръ

Иванъ Двигубскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1. Къ Доктору, другу моему, Е* И* А***. 3
2. Къ И* И* Д***. 6
3. Къ одной изъ читательницъ Аглаи. 9
4. Къ К*** Н*** П—й, въ день имянинъ 24 Ноября. 12
5. Къ сосѣду. 13
6. Къ А*** П*** Б—й, которая прислала мнѣ въ подарокъ *Лицей*, желая, чтобы я узналъ стихи ея, напечатанныя въ семъ Журналѣ. 17
7. Къ ***. 21
8. Къ К* И* М* Д***, на смерть дочери его. 27
9. Къ нему же. 29
10. На новоселіе Б* К* Б***. . . 33
11. Къ Аристу. 35
12. Къ женщинамъ — судьямъ стихотворства. 37
13. Къ А*** С*** Т—й. 40
14. На причащеніе А* Ф* Т***. . . 43
15. Для новаго альбома, любезной дѣвицы, которую зовутъ Вѣрою. 45
16. Къ N. N. Изъ Семферополя. . . 47
17. Къ В* Л* П***. 51
18. Къ моей хижинѣ. 55
19. Къ философу рѣки Услы. . . 57
20. Къ другу. (Отрывокъ.) . . . 60
21. Къ И* Е* И***. 62
22. Къ М* И* Н***. 65
23. Къ Темирѣ. 67
24. Къ путешественнику въ Полуденную Россію, на письмо XXXIV. 70

Стран.

25. Къ Эльвирѣ. 72
26. Къ ней же, въ то время, когда она была у обѣдни. . . . 74
27. Къ ней же, когда она была въ Театрѣ. 76
28. Къ А* И* П***. 78
29. Къ В* А* К***. 81
30. Къ достопочтенному сосѣду, П* Н* Ж***. 84
31. Къ Тончію. 87
32. Къ И* И* Д***, на новоселье. . 90
33. Къ В* И* К***. (Въ его записную книжку.) 94
34. Къ Б* К* Б***, крестному отцу моей дочери. 96
36. Къ Алинѣ. 102
35. Къ моей подругѣ. 99

I.

КЪ ДОКТОРУ, ДРУГУ МОЕМУ, Е* И* А***.

Богиня здравія, даръ дружбы, прелесть Музъ,
Вотъ неразрывный нашъ, щастливѣйшій союзъ!
Могуль безъ сладкихъ чувствъ, безъ пламенныхъ движеній
О незабвенной той минутѣ вспоминать,
Когда ты мнѣ предсталъ какъ благотворной геній,
Чтобъ въ горестной душѣ вновь радости питать? —
Рожденный сердцемъ жить въ другомъ ему подобномъ,
Я съ первой юности позналъ пріятну власть
Святаго дружества; но рокъ въ совѣтѣ злобномъ
Мнѣ предписалъ познать тогдажъ и горьку часть —
И я закрылъ глаза трепещущей рукою
Тому, кто на зарѣ моихъ безвѣстныхъ дней
Былъ для меня во всѣхъ дѣяніяхъ душою;
Предметомъ, существомъ былъ нераздѣльнымъ съ ней
Ни въ тихихъ радостяхъ, ни въ краткихъ огорченьяхъ
Невинной юности!... Ахъ! гдѣ щастливый слѣдъ,
Когда она текла въ творимыхъ *приключеньяхъ*
Воображеніемъ цвѣтущихъ пылкихъ лѣтъ —
Текла какъ быстрый токъ, но чистой, но прозрачной
Въ тѣни кустарниковъ, среди долины злачной!

Печальныхъ опытовъ жестокая рука
Снимала съ глазъ моихъ волшебну перевязку;
Я начиналъ считать щастливу жизнь за сказку;
Въ душѣ моей была глубокая тоска;
Но ты предсталъ — и вдругъ, какъ солнце озаряетъ
Уединенный миртъ подъ мракомъ черныхъ тучь,
Такъ сердцу моему надежды кроткій лучь
Среди унынія и горести сіяетъ!
Уже въ объятіяхъ моихъ ты — и на вѣкъ!
Надежда въ ложную мечту не превратилась;
Отрада и душѣ и сердцу возвратилась.
О даръ благихъ Небесъ, *любезный* человѣкъ!
Съ бальзамомъ дружества, цѣлебнымъ, чудотворнымъ,
Пролитымъ въ грудь мою изъ сердца твоего,
Ты озаботился съ усердьемъ непритворнымъ
Возстановленіемъ здоровья моего,
Которымъ перву дань, оставивши ученье,
Я долженъ былъ принесть отечеству, Царю.
Мы всѣ должны принесть къ священну олтарю
Священной пользы все: здоровье, жизнь, имѣнье.
Награда? — въ мысли: „Я исполнилъ вѣрно то,
Чѣмъ былъ, какъ гражданинъ, обязанъ передъ свѣтомъ!“
Не въ почестяхъ: онѣ мишурный блескъ, — ничто;
Бываютъ происковъ и подлости предметомъ.
Заслуги — вотъ вѣнецъ нетлѣнной, золотой!
Онъ часто скрытъ отъ глазъ людскихъ въ тѣни густой;
Но тѣмъ лучи его прекраснѣе, ярчѣе;
Но тѣмъ чело подъ нимъ любезнѣе, милѣе!

Съ здоровьемъ, дружбою, отрадой и тобой
Возобновилася и страсть моя къ ученью.
Среди трудовъ и нуждъ (*) мы часъ свободной свой
Не скучной праздности, но посвящали чтенью.
Невѣжды грубые... подъ Марсовымъ щитомъ,
Къ нещастью, много ихъ!.... насъ тайно презирали;
Добра — лишь добрые взаимно намъ желали:
Невѣжды злы! но мы не думали о томъ,
И шли своимъ путемъ, похвальнымъ благороднымъ:
Не стану говорить съ притворствомъ мнѣ, несроднымъ.
Херасковъ, Карамзинъ, Державинъ и Петровъ
Изъ рукъ у насъ тогда почти не выходили.
Плѣняясь красотой, талантомъ сихъ творцовъ,
Мы съ ними райское веселье находили.
Словесность Рускую всѣмъ сердцемъ полюбя,
Мы стали наконецъ испытывать себя,
Ты въ прозѣ, я въ стихахъ.... Успѣхи не велики.
Пусть не включаютъ насъ въ писательскіе лики;
Но мы за то въ числѣ немногихъ тѣхъ людей,
Которыхъ ставитъ свѣтъ примѣромъ для друзей.
Дымъ славы стоитъ ли сердечнаго блаженства?
Мудрецъ Монтань сказалъ, о другѣ говоря:
Онъ — я; я — онъ. И мы, судьбѣ благодаря,
Быть можетъ, въ дружествѣ достигли совершенства.
Пускай дѣлятъ судьбы, моря и земли насъ;
Но въ памяти, въ душѣ мы вмѣстѣ каждой часъ!

(*) Связь наша, щастливая и долговременная, началась еще въ службѣ, въ походахъ.

II.

КЪ И* И* Д***.

Не разъ, къ нещастію, потупя томный взоръ,
Я слушалъ о себѣ жестокой приговоръ:
„Поэтъ“.... Кто именемъ поэта не гордится?
Кто славою его въ душѣ не веселится?
Но слушайте со мной: „Поэтъ есть вѣчный лжецъ,
Нескромный Селадонъ, опасный самый льстецъ.“
Вотъ какъ честятъ, увы! чадъ Фебовыхъ на свѣтѣ!...
За то, что въ пѣсенкѣ, въ романсѣ, въ тріолетѣ
Поэтъ красавицу Кипридой назоветъ,
А милую свою — Кипридѣ предпочтетъ;
Потомъ.... вздохнетъ подчасъ, съ упрекомъ за измѣну,
И справедливую вещамъ объявитъ цѣну....
„Ужасная вина!“ бывало прошепчу
Съ печалью каждой разъ, и съ твердостью молчу. —
Но самъ любимецъ Музъ, но самъ Поэтъ за свѣтомъ
Безъ шутокъ говоритъ, что женщинѣ съ Поэтомъ
Войти опасно въ связь; что при разрывѣ ихъ,
Пылая мщеніемъ, поэтъ въ стихамъ своихъ
Разскажетъ тотчасъ все — и женщина страдаетъ,
И всякой по стихамъ ее легко узнаетъ....
Прости, терпѣніе!... дерзаю отвѣчать,
И предъ Поэтомъ ставъ, поэтовъ защищать....

Великій Аполлонъ! за чадъ твоихъ вступаюсь,
За славу ихъ — твою, и славою ласкаюсь!
Не правдаль, Д***, что изо ста одинъ
Надъ чувствами души и сердца господинъ?
Другіе ихъ рабы, гремящіе цѣпями,
Въ которыя они заключены страстями. —
Кто оскорбленіе, обиду вдругъ проститъ?
Кто съ удовольствіемъ за зло двумя не мститъ?
Прощаютъ ли, не мстятъ любовницѣ невѣрной
На свѣтѣ вообще?... Въ свирѣпости чрезмѣрной
Обыкновенный духъ ужаснѣе всего!
Всѣ средства хороши ко мщенью для него.
Но нѣжный Фебъ сынъ — что дѣлаешъ? . . .
стихами,
Для слуха, для ума пріятными словами,
О горести своей, нещастьи говоритъ,
И въ самыхъ жалобахъ своей *жестокой* льститъ.
„Какая смертная, какъ ты, была любима,"
Поэтъ взываетъ къ ней: " какъ ты боготворима?
Какая смертная была
И столь любезна, столь мила (*)? "
Вотъ все, что можете назвать въ поэтѣ
мщеньемъ!...
Невѣрная сама, украдкой, съ восхищеньемъ,
Разсмотритъ всѣ черты портрета своего,
И выронитъ слезу — и болѣ ничего.
„Узнаетъ свѣтъ объ ней?" О чемъ онъ не
узнаетъ?
Что тайной для него чрезъ день, чрезъ два
бываетъ?...
Не скроетесь ни въ чемъ отъ Аргуса сего!
Вашъ замокъ изъ стекла построенъ для него.
. . . . . .

(*) См. въ стихотвореніяхъ Карамзина: *Къ невѣрной.*

Надменный сѣтуетъ, глупецъ, шумитъ бранится;
Но умный, ошибясь, безмолвно удалится —
Сказалъ Лану; а онъ, извѣстно, былъ *Поэтъ*:
Лану мнѣ правило сей истиной даетъ. —
И наконецъ ты самъ, съ *печальною душою*,
Бѣжишь въ дремучій лѣсъ забыть любезну Хлою,
И съ сердцемъ тамъ своимъ лишь только горевать,
Винить жестокую, и вмѣстѣ — обожать!
Но нѣтъ! и въ Хлояхъ ты, какъ въ Граціяхъ, конечно
Былъ щастливъ, Д***, безъ огорченій вѣчно:
Въ противномъ случаѣ не такъ бы ты судилъ,
И стонъ въ Элегіи поэту бы простилъ!...
Ахъ! если бъ не была отрадою мнѣ лира,
Кто знаетъ, какъ бы я отмстилъ тебѣ, Дельфира!

III.

КЪ ОДНОЙ ИЗЪ ЧИТАТЕЛЬНИЦЪ АГЛАИ (*).

Съ участіемъ любви нѣжнѣйшаго отца
Я веселюсь, когда ты дочь мою ласкаешь!
Ахъ! если бы она могла плѣнять сердца
У всѣхъ людей, какъ ты плѣняешь!
Благодарю тебя! . . . довольно для нее:
Ты *милою* зовешь ее;
А *милое* тебѣ всѣхъ болѣе извѣстно:
Суди же, сколько ей сіе названье лестно!
Но именемъ одной изъ трехъ подругъ твоихъ
Украсивъ дочь мою, я тщательно старался
Примѣромъ ставить ей во всемъ тебя и ихъ!
Другими — признаюсь — отнюдь не занимался:
Фортуна не мое, по щастью, божество;
Спокойно на ея взираю торжество,
Не гнусь передъ ея златыми олтарями,
Знакомства не ищу съ Лидійскими царями (**);
Ищу — достоинства; гдѣбъ ни было оно,
Кого бы небо имъ, когобъ ни наградило —
Достоинство вездѣ священно мнѣ равно;
Къ нему обращено всегда мое кадило! —
Богатства, почести не ослѣпятъ во вѣкъ
Пониклыхъ глазъ моихъ при ложномъ блескѣ славы,
Сей истинной сердецъ *ребяческихъ* отравы!
Въ чертогахъ и звѣздахъ порочной человѣкъ —
Рабъ знатности своей, тиранъ ему неровныхъ,
Друзей ли — именемъ, не болѣе! — иль кровныхъ —

(*) Названіе Журнала, который издавался мною.
(**) То есть съ Крезами.

Виновнѣе сто кратъ преступника въ цѣпяхъ,
Которой разсуждать не могши о *страстяхъ*,
Далъ волю имъ — погибъ! О жертвѣ сожалѣю;
О жертвѣ грубыхъ чувствъ, превратнаго ума;
Невѣжество душѣ есть то, что зрѣнью тьма!
Но къ первому одну я ненависть имѣю.
И такъ достоинства прямыя лишь цѣня,
Украсить дочь мою желалъ я только ими;
Сравнить ее съ тобой, съ подругами твоими:
Другаго не было въ предметѣ у меня;
И вѣрно слѣдуя во всемъ своей методѣ,
Знакомилъ дочь мою со нравами людей,
Не отдаленныхъ, — нашихъ дней;
Знакомилъ съ обществомъ, покорнымъ властной моды,
И съ тѣмъ, которое живетъ
Всегда подъ кроткими уставами Природы;
Знакомилъ съ узами, которыми гнететъ
Тщеславіе враговъ свободы;
Знакомилъ съ древними талантами, умомъ,
Съ пріятной лирою, съ блистательнымъ перомъ
Безсмертныхъ мудрецовъ, любезнѣйшихъ Поэтовъ,
Сихъ въ поприщѣ своемъ увѣнчанныхъ Атлетовъ;
Знакомилъ съ красотой и прозы и стиховъ,
И съ духомъ языка почтенныхъ земляковъ;
Съ искуствомъ Таліи, Эвтерпы, Мельпомены,
Еще (признаемся) не славной Руской сцены;
Но болѣе всего знакомилъ дочь мою
Со благостью души, съ любовію ко ближнимъ;
Съ презрѣньемъ — ни чего ни мало не таю —
Къ надменнымъ титлами; знакомилъ съ лаской къ нижнимъ;
Съ готовностью служить нещастному— слезой,
Когда намъ въ золотѣ отказано судьбой.

Вотъ все, что дочери я далъ при воспитаньи,
Или желалъ бы дать! Въ отеческомъ стараньи
О добродѣтеляхъ, достоинствахъ дѣтей
Ужь есть заслуга, есть отрада для людей,
Богатыхъ чувствами, но бѣдныхъ сундуками!
Инагожъ дать не льзя *руками*,
Но можно *сердцемъ* дать. Таковъ мой жребій
былъ,
Когда я къ должности отцовской приступилъ,
Сколь трудной, ты довольно знаешь!
Успѣлъ ли въ ней? — Молчу, но вижу, ты ласкаешь,
И слышу, *милою* зовешь
Мою смиренную *Аглаю*;
Ты за меня отвѣтъ даешь:
И такъ тебѣ, твоей любви ее вручаю!

IV.

Къ К*** Н*** П—й,

въ день имянинъ 24 Ноября.

Какъ радъ молиться я святой Екатеринѣ
О щастьи, радостяхъ и здравіи тебѣ!
У ней одной прошу сихъ благъ я и себѣ!
Всему быть надобно особенной причинѣ:
Дозволь же мнѣ сказать о той,
Которая меня и сердцемъ и душой
Къ Угодницѣ твоей навѣки привязала:
Подъ именемъ ея небесны изливала
Щедроты смертная на милліоны чадъ
Своихъ, чужихъ; — какъ Богъ, на лица не взирая,
Для каждаго была источникомъ отрадъ,
Творцомъ земнаго рая,
Примѣромъ лучшимъ для Царей,
И называлася *Великою* не даромъ!
Еще, подъ именемъ Угодницы твоей,
Я знаю смертную.... Души и сердца съ жаромъ
Молиться буду ввѣкъ
Святой Екатеринѣ!
Къ ней прибѣгающій усердно человѣкъ
Всѣ блага для души найдетъ въ своей судьбинѣ!
Найдешь и ты, когда мой недостойный гласъ
Услышанъ будетъ тамъ, гдѣ судятъ въ *чувствахъ* насъ!

V.

КЪ СОСѢДУ.

Нашъ Пиндаръ громкими стихами
Воспѣлъ сосѣда своего,
И вмѣстѣ съ пышными пирами,
Съ богатствомъ, роскошью его,
Своей Поэзіи небесной
Богатство, роскошь съединилъ!...
О даръ божественной, чудесной!
Кто въ дань тебѣ не приносилъ,
Твоимъ огнемъ воспламененный,
Живыхъ восторговъ, нѣжныхъ слезъ!...
Но пѣть тебя, сосѣдъ почтенный!...
Я не Державинъ; ты — не Крезъ!
Не Крезъ!... Хвала судьбѣ! — и смѣло
Цѣвницу скромную мою
Снимаю со стѣны, пою.
Не лесть, сердецъ порочныхъ дѣло,
Ни выспренность надутыхъ словъ,
Поэтовъ вывѣска холодныхъ,
Не *распестрятъ* моихъ стиховъ,
Всегда простыхъ, всегда свободныхъ!
Вертеповъ мраморныхъ, златыхъ,
Шатровъ Персидскихъ дорогихъ,
Огромныхъ грудъ Китайской глины
И Альбіонскаго стекла
Капризная рука судьбины
Тебѣ, сосѣдъ мой, не дала!
Не слышны музыка и хоры,
Когда сидишь ты за столомъ;
Прелестныхъ дѣвъ не видятъ взоры
Съ Шампанскимъ, Мозельскимъ виномъ!

Въ укромномъ домикѣ, опрятномъ
Ведешь безпечно мирны дни,
И въ обществѣ твоемъ пріятномъ
Бываютъ лишь друзья одни.
Ты любишь съ ними посмѣяться,
Но не *Сардонскимъ смѣхомъ* (*) — нѣтъ:
Имъ шумный одержимъ лишь свѣтъ! —
А тѣмъ, которымъ забавляться
Подчасъ желаетъ и мудрецъ —
Аттическимъ, всегда любезнымъ,
Всегда отраднымъ и полезнымъ
Для добрыхъ, пламенныхъ сердецъ.
Ахъ! часто шуткой остроумной,
Какъ чародѣйствія жезломъ,
Нашъ рокъ тяжелой, мрачной, скудной
Предстанетъ съ яснымъ вдругъ челомъ!
Такъ бочку *Діогенъ* катая,
Себя щастливцомъ почитая,
Быть *Александромъ* не хотѣлъ —
За тѣмъ что ввѣкъ шутить умѣлъ!
Но *шутки въ сторону*, и Музы —
Краса мятежной жизни сей,
Съ которыми такъ сладки узы! —
Займутъ собой твоихъ друзей.
Безсмертны Геніевъ творенья
Для сердца, разума и зрѣнья,
Подъ кровомъ храмины твоей,
Несутъ отвсюду дань безцѣнну!...
О Музы! щастье и вселенну
Я съ вами позабыть готовъ!...
Потомъ дойдетъ и до стиховъ:
Свои *Пословицы* читаешь,
Посланья, Были — легкій плодъ
Ума, фантазій!... Ты сбираешь

(*) То есть принужденнымъ. Risus Sardonicus.

Его безъ *авторскихъ* заботъ,
А такъ — рѣзвясь; и Метроманомъ,
Ушей безжалостнымъ тираномъ
Ни изъ чего не можешь быть;
Не можешь.... ближняго морить.
Одинъ не можешь за обѣдомъ,
Какъ Мидъ, надъ блюдами зѣвать;
Но радъ съ гостями и *сосѣдомъ*
Пофилософски пировать.
Часъ лишній просидѣть — для спора
(Въ который ввѣкъ не входитъ ссора,
Дочь винныхъ бѣдственныхъ паровъ!)
О томъ, кто лучше пишетъ оды,
Круглитъ искусно періоды
И вѣдаетъ всю тайну словъ.
А иногда твои родныя (*),
Подруги Грацій, Аонидъ,
Въ бесѣдѣ тутъ же. Ихъ простыя
Манеры, ласки, скромный видъ
На чувства дани налагаютъ,
Умы, сердца одушевляютъ,
И каждый въ обществѣ — поэтъ.
За круглымъ столикомъ въ *боскетѣ*,
Въ твоемъ ученомъ кабинетѣ,
Откуда изгнанъ *этикетъ*,
Усѣвшись, мысли обращаемъ
Къ тому, что лучшимъ для людей
Блаженствомъ въ жизни почитаемъ;
О чемъ мудрецъ съ клюкой своей,
И царь въ блистательной порфирѣ,
И нищій въ рубищѣ — всѣ въ мірѣ,
Мечтаютъ, спорятъ, говорятъ;
Чего всѣ смертные желаютъ;
Чѣмъ всѣ сердца въ груди горятъ;

(*) Племянницы.

Чему подчасъ цѣны не знаютъ,
Но съ чѣмъ и радость и печаль —
Одна гораздо намъ сноснѣе,
Другая во сто разъ милѣе,
И съ чѣмъ разстаться очень жаль!...
Любовь!... любовь, душа вселенной,
Посланница благихъ небесъ
Въ юдолѣ скорбной, треволненной,
Для осушенья горькихъ слезъ!...
О сей богинѣ разсуждаемъ;
Ея всѣ свойства раздробляемъ,
И признаемся наконецъ,
Что человѣкъ пріемлетъ съ кровью
Потребность жить, дышать любовью —
Единымъ щастіемъ сердецъ!...
Алина! сколько разъ съ тобою
Я то же, другъ мой, говорилъ!
Ахъ! еслибъ и навѣкъ судьбою
Я разлученъ съ Алиной былъ,
Но бывъ любимымъ страстно ею,
Прельщался бъ участью моею!...
Мечтамъ поклонъ отдавши свой,
Сосѣдъ! ты *истиной* доволенъ;
Живешъ въ ладу съ самимъ собой.
Твое богатство — умъ, познанья;
Сокровища — любезность, честь.
Безумны обуздавъ желанья,
Желаешь лишь того, что *есть*,
И радъ свою ты долю славить! —
Позволь сосѣду къ ней прибавить
Одинъ усерднѣйшій обѣтъ:
Чтобъ ты былъ *вѣчно* мнѣ сосѣдъ!

VI.

КЪ А*** П*** Б — й,

Которая прислала мнѣ въ подарокъ *Лицей*, желая, чтобы я узналъ стихи ея, напечатанныя въ семъ Журналѣ.

Я правъ!... и веселюсь удачей предсказанья,
И даже думаю, что вѣрно я пророкъ —
Не въ храмѣ *идоловъ*, но въ храмѣ *дарованья*:
Ты часто слышала изъ устъ моихъ свой рокъ!
По первымъ опытамъ руки твоей на лирѣ
Я назвалъ *Сафою* тебя,
И ждалъ, и говорилъ, что скоро, скоро въ мірѣ
Явишь ты Музою Лезбійскою (*) себя!...
Сбылось!... Небесный даръ!... Всѣ хитрости, искуства
Ничто въ сравненіи съ тобой!
Однѣ души и сердца чувства
Имѣютъ сильну власть надъ сердцемъ, надъ душой!
Глазами жадными, рукой нетерпѣливой
Почти ужь до конца я пробѣжалъ *Лицей*,
Скучая на пути; вдругъ геній твой щастливой
Остановилъ меня, о Сафо нашихъ дней! —
Кто можетъ не узнать сіяющей Цинтеи
Среди мерцающихъ Плеядъ?
Чей слухъ не поразятъ пернатые Орфеи
При громѣ иволговъ, поющихъ съ ними въ рядъ?

(*) Сафо была названа *десятою Музою*.

Я бросился къ твоей *Богинѣ сновидѣнья* (*),
Подобно страннику, которой былъ томимъ
Унылостью песковъ и мукою терпѣнья,
И окруженъ потомъ семействомъ сталъ своимъ!
Меня прелестныя картины окружили;
Ихъ тѣни, сьѣтъ и всѣ черты
Въ восторгъ живѣйшій приводили!
Я видѣлъ *на яву* чудеснѣйши *мечты*,
Которыя толпой съ крыла Царицы ночи
Летятъ на смертнаго, къ улыбкѣ иль слезамъ,
Когда съ отрадой онъ смыкаетъ томны очи,
Сказавъ: *До завтраго!* надеждамъ и трудамъ.
Такъ! все душой моей особенно играло;
Все мысли, сердце, умъ волшебно занимало!
Я съ чувствомъ истины *смотрѣлъ* на тѣ вѣнки,
Которые вокругъ *безпечнаго* постели
Лежали дѣйствіемъ невидимой руки;
Внималъ, какъ онъ, ручью, свирѣли,
И *устремилъ глаза* на образъ милой твой,
Когда ты въ горести *спокойному* предстала;
Вздохнулъ сто разъ, когда ты съ нѣжностью сказала
Богинѣ сновидѣнья: „Стой!
Вздохнетъ ли *онъ* хотя невольно,
Исчезни, дивная!... довольно!"
Ах! *Сафо* не моглабъ любезнѣе сего,
Нѣжнѣе, тонѣе, въ огнѣ безмѣрной страсти,
Льстить сердцу хладному *Фаона* своего,
Ни лучше изъяснить законъ любовной власти!
Потомъ взглянувъ съ тобой на гробы тѣхъ Царей (**),
Которые судьбой и щастіемъ людей,

(*) Лицей, Часть 18, книжка III, стран. 12.
(**) Тамъ же, стран. 14.

Подвластныхъ имъ, какъ Богъ, премудро управляли,
Которыхъ искренно любили, прославляли,
Я къ меланхоліи священной простиралъ
Объятія мои; съ поникшей головою,
Подобно какъ она, и томной рукою
Облакотясь на столъ, казалося, *взиралъ*
На урну Кронову и на черты богини,
И *слышалъ* жребія на все одинъ отвѣтъ:
Неложныхъ радостей для смертныхъ въ жизни нѣтъ!
Я находилъ себя среди глухой пустыни,
Среди безмолвія блуждающихъ тѣней,
И *чувствовалъ*, какъ ты, всю бѣдность нашихъ дней!
Но къ *Джону милому* (*) ты мысли обращаешь,
И мракъ моей души *улыбкой* озаряешь!...
Дивлюсь безцѣнному таланту твоему!
Съ какою легкостью, искуствомъ переходишь
Къ различнымъ чувствіямъ, идеямъ — и всему
Слова, оттѣнки, тонъ приличные находишь!
Спрошу я въ очередь мою:
Гдѣ философію любезную свою —
Которая тебя ни въ чемъ не обманула —
Ты смѣлою рукой удачно почерпнула?
Какой Сократъ, Платонъ тебѣ
Все таинство открылъ о нашей здѣсь судьбѣ?
„Въ чувствительной душѣ; а сердце наблюдало
Пружины участей людскихъ,
Надежды, радостей, печали, скорби ихъ,
И голосомъ своимъ уроки мнѣ давало“ —
Ты отвѣчаешь мнѣ?... Прекраснѣйшій отвѣтъ
Изъ устъ прекраснаго творенья,
Которымъ *славиться* моральной долженъ свѣтъ,

(*) Тамъ же, стран. 15.

И безъ котораго нѣтъ щастья, утѣшенья!
Пусть *даромъ ничего Природа не даетъ;*
Но давъ *подругу* намъ съ чувствительной душою
И съ сердцемъ пламеннымъ, она *чету* ведетъ
Межь острыхъ терніевъ цвѣтущею тропою;
Она *улыбкою за слезы* насъ даритъ,
И съ рокомъ бѣдственнымъ, какъ доброй другъ, миритъ!
Не ей ли *милый Джонъ* обязанъ тѣмъ *союзомъ*,
Который съ *Промысломъ* навѣкъ имъ заключенъ?
Не ею ль онъ подъ всемъ житейскимъ тяжкимъ грузомъ
Всегда чудесно облегченъ,
И съ *троицей* своей *живетъ безъ ссоры — ладно?*
Не ей ли *Джономъ* (*) ты своимъ одолжена?
Не ею ли въ тебѣ та искра возжена,
Котораябъ могла согрѣть и сердце хладно
Въ груди у жителя покрытыхъ льдомъ морей?
Не всѣмъ ли наконецъ и я обязанъ ей:
Любовью добрыхъ душъ и дружбою твоею,
Которою ласкать себя надежно смѣю? —
Такъ точно, повторю: природѣ долженъ всѣмъ,
Но щастію — ни чѣмъ.

(*) Тамъ же, стран. 16.

VII.

КЪ * * *.

Поэтъ, котораго и дружбою и лирой
Обязанъ я равно; который отъ меня
Далеко странствуетъ съ любовью и Дельфирой,
И скучнаго душѣ не вѣдаетъ ни дня!
Хочу занять на часъ тебя, мой другъ, собою,
И дивнымъ вымысломъ безмолвно говорить
За тридевять земель, хочу передъ тобою
Въ бѣсѣдѣ искренней всѣ чувства обнажить.
Съ чего начать?— съ того, что сердцу веселѣе,
Что памяти милѣе
Изъ *бывшихъ нѣкогда* дней райскихъ проходить.
Подай же руку мнѣ — и выдемъ изъ жилища
Владѣнья твоего на холмы и луга,
Гдѣ ждетъ чувствительныхъ души и сердца пища,
Гдѣ даромъ смертнаго нога
Не ступитъ — если онъ природой не отринутъ.
Тамъ взоры наши вновь окинутъ
Небесной дочери изящну красоту,
И порознь каждую разительну черту
Сіяющей *весны* съ Пуссенемъ разбирая,
Чудесны прелести найдемъ,
И духъ нашъ сердцемъ возвышая,
Съ Томпсономъ гимны въ честь богинѣ воспоемъ;
Иль утренній пѣвецъ (*) намъ будетъ наставленьемъ

(*) Жаворонокъ.

Въ священныхъ похвалахъ,— примѣромъ, вдохновеньемъ.
Оттуда медленно пойдемъ
Въ хранилище *живыхъ* растеній всей вселенной,
Въ которомъ царствуетъ щастливѣшій климатъ.
Тамъ гордая бамбу съ фіялкою смиренной,
И тысячи цвѣтовъ краса и ароматъ,
Прольютъ намъ въ душу восхищенье.
Потомъ насъ выманитъ твой юный огородъ.
Я раздѣлю съ тобой пріятность, утѣшенье,
Съ надеждою трудовъ твоихъ увидѣть плодъ,
И тѣнью липъ, березъ, тобою насажденныхъ,
Горящее лицо въ день знойный прохладить.
Ахъ! еслибъ сихъ минутъ блаженныхъ
Всю сладость мочный рокъ дозволилъ мнѣ вкусить! —
Но пламенны лучи полудня заставляютъ
Спѣшить подъ кровъ смиренный твой,
Гдѣ удовольствія еще насъ ожидаютъ,
Гдѣ обитаетъ вѣкъ отрада и покой,
Гдѣ съ милою твоей семьею
Польется разговоръ у насъ, мой другъ, рѣкою—
О томъ, что видѣли, чѣмъ наслаждались мы,
Какъ занимали насъ таланты и умы. —
Блаженъ, кто у *себя* съ пріятелемъ, съ родными
Отъ сердца обо всемъ безъ скуки говоритъ;
Кто съ удовольствіемъ всегда внимаемъ ими,
И кто *домашній кругъ* бесѣдой веселитъ! —
Прохлада вечера насъ вызываетъ въ поле,
И мы всѣмъ обществомъ идемъ гулять туда,
Гдѣ сельскихъ прелестей находитъ взоръ нашъ болѣ,
Гдѣ свѣтлы ручейки и пестрыя стада,
Гдѣ зелень темная излучистой долины,

Гдѣ яркая эмаль несѣянныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ кисти Творческой раскинуты картины,
Гдѣ слышны наконецъ свирѣли пастуховъ....
Безцѣнный даръ весны!... Но, ахъ! она проходитъ, —
И другъ вашъ думаетъ печально о пути!...
Онъ словъ и красокъ не находитъ
Для выраженія тяжелаго *прости*,
Которое сказавъ, разстаться долженъ съ вами!
Такъ имъ предпринято и рѣшено судьбами!
Одна изъ склонностей живыхъ,
Другимъ созданьямъ неизвѣстныхъ;
Черта, которою отличенъ столь отъ нихъ,
Природы властелинъ и врагъ предѣловъ тѣсныхъ;
Стремленіе души, которому навѣкъ
Покоренъ мыслящій и дикій человѣкъ;
Источникъ щастія и скорби равномѣрно —
О любопытствѣ рѣчь: оно, мои друзья,
Ведетъ меня туда, гдѣ щастіе не вѣрно;
Оттуда, гдѣ не зналъ ни малой скорби я!
Въ страну, блестящую искуства чудесами,
Игрою, геніемъ талантовъ и страстей.
Тамъ ясными на все очами,
На вещи и людей
Посмотритъ странникъ вашъ и скажетъ:
„Нѣтъ! милѣе
Въ пріятной тишинѣ съ друзьями сердца жить!"
И возвратится къ вамъ какъ можно поскорѣе.
А между тѣмъ— увы! — пора каминъ топить!
Что нужды: для друзей и осень не скучнѣе
Весеннихъ, лѣтнихъ дней. Усѣвшись вкругъ огня,
Вы слушать будете внимательно меня,
Который вамъ навезъ, не меньше Одиссея,
Разсказовъ, повѣстей печальныхъ и смѣшныхъ;
Но дара украшать, какъ Грекъ сей, не имѣя,

Я буду простъ, какъ самъ, въ исторіяхъ моихъ.
Ахъ! кто не испыталъ всю живость наслажденья
Сидѣть передъ огнемъ въ осенни вечера
Съ друзьями!... Одному ни въ чемъ нѣтъ утѣшенья;
Одинъ все смотришь — со двора;
А съ ними, у камина!...
Нигдѣ не нахожу щастливѣйшихъ минутъ!
Какъ весело душѣ моей и сердцу тутъ! —
Ссылаюсь на тебя, любезная Алина,
Съ которой нѣкогда, подобно какъ жрецы
Богини Весты, огнь мы пристально хранили,
И только въ обществѣ невинномъ нашемъ были
Чистѣйшихъ склонностей наставники — пѣвцы:
Предпочиталъ ли я веселью быть съ тобою,
Концерты, ужины, собранье, клубы, балъ,
Куда *веселіе* не ступитъ и ногою,
И гдѣ довольныхъ лицъ я вѣчно не видалъ?
Пылающій каминъ и искренность святая
Пріятнѣе всего
Для сердца моего! —
Друзья! къ вамъ мысли обращая,
Напомню вашимъ все. — Бесѣдой утомясь,
И круга въ тишинѣ молчаньемъ освѣжась,
Мы принималися за чтенье книгъ отборныхъ:
Имѣя нѣжный вкусъ, не терпите вы вздорныхъ;
Потомъ работою, канвой займетесь вы;
А вашъ Поэтъ и я, не муча головы
Надъ одою перуно-звучной,
Читателямъ немного скучной,
Начнемъ посланія, романсы сочинять,
И Музамъ, то есть вамъ, тогда же все читать.
Вашъ судъ для насъ служилъ закономъ;
А сердце было намъ талантомъ, Аполлономъ....
. . . . . .

Такъ нѣкогда весну и осень проводилъ
Съ друзьями нѣжный другъ! Онъ съ ними находилъ
Безъ терній алы жизни розы;
Не зналъ, что есть на свѣтѣ слезы;
Веселость на его сіяла лишь челѣ! — —
Когда уста мои замолкнутъ на землѣ,
Когда рука моя писать уже не будетъ;
Тогда — не прежде, васъ другъ вѣрный позабудетъ.
Ахъ! нынѣшній весной
И лѣтомъ былъ я сиротой!
Бродилъ вездѣ одинъ съ унылою душою,
Скучалъ во всѣхъ мѣстахъ, скучалъ самимъ собою,
И осень мрачную страшуся вспомянуть,
Подобно страннику, который измѣряетъ
Воображеніемъ тяжелый, дальній путь,
И прежде времени все мужество теряетъ,
Тогда какъ, можетъ быть, найдетъ прохладный гротъ!...
Отъ грусти для меня единый *антидотъ*:
Стихи твои, мой другъ! когда я ихъ читаю,
И слышу имъ хвалы отъ лучшихъ знатоковъ,
То въ *Эльдорадѣ* вдругъ душею обитаю....
Благословимъ же даръ божественный стиховъ!
„Какъ! въ свѣтѣ живучи — вы скажете — скучаешь?“—
Свѣтъ холоденъ, друзья, для пламенной души,
И съ нею мирные сходнѣе шалаши!
А тамъ прискорбія однѣ почти встрѣчаешь!
Кто васъ, казалося, по склонности любилъ,
Кому вы нравились, кто вами занимался,
Кто вашимъ обществомъ всегда доволенъ былъ,
Кто вамъ пріятелемъ *открыто* почитался:
Тотъ послѣ съ важностью обидной и смѣшной

Насилу шляпу вамъ снимаетъ — безъ поклона,
Подобно какъ Моголъ рабамъ своимъ со трона!—
Чтожъ это значитъ?— онъ на шляпѣ грузной сей
Имѣетъ бѣлый пухъ, иль перья — какъ хотите;
Крестъ на стальной груди своей,
И мѣсто видное! — Теперь, друзья, скажите,
Не больно ль иногда смотрѣть на пузырей,
Надутыхъ случаемъ, такъ точно, какъ саломкой,
Которою дитя сто мыльныхъ пуститъ въ часъ?
Но что всего — всего прискорбнѣе для насъ,
О чемъ я не могу сказать безъ мысли горькой—
Ахъ! это лютая измѣна отъ друзей,
Которы были вамъ утѣхой въ жизни сей;
Которыхъ вы всему, себѣ предпочитали;
Которымъ всю любовь на дѣлѣ доказали!...
Лаиса гнусная въ минуту и навѣкъ
Васъ съ другомъ разлучитъ! Вы ей не угодили;
Вы твари подлой сей презрѣнье изъявили....
О свѣтъ, надменный свѣтъ! о слабый человѣкъ!

VIII.

КЪ К* И* М* Д***,

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ ЕГО.

Съ ударами судьбы жестокой, безразсудной
Знакомится ль душѣ и сердцу твоему?
Въ первые ль протекать тебѣ путь смертныхъ трудной,
И дань платить слезой и горестьми ему?
Но сердцу нѣжному, душѣ, любить способной
Все то, что намъ Творцомъ въ предметъ любви дано,
Возможно ль съ твердостью, однимъ *Зенонамъ* сродной,
Сносить ударъ судьбы, когда имъ лишено
Существованіе надѣжнѣйшей опоры
На зыбкомъ поприщѣ печальной жизни сей?
Холодною рукой закрыть навѣки взоры
Для сердца нашего безцѣннѣйшихъ людей?...
Ахъ, нѣтъ!... Но въ чемъ же *здѣсь* отрады, утѣшенья
Цѣлительный бальзамъ страдальцу находить?
Въ святой Религіи!.... Она *вѣнецъ терпѣнья*
Готова на чело невинныхъ возложить!...
И *тамъ* — за горести, за слезы — добродѣтель
Пить будетъ радости чистѣйшія рѣкой! — —
Ты вѣришь Божеству!.... въ томъ памятникъ свидѣтель,
Супругѣ нѣжныя воздвигнутый тобой!
Покорность волѣ Той, Которая всѣмъ правитъ,

Въ изящной надписи его заключена (*)!
Душа великая всемощну руку славитъ,
Хранима оною, или поражена!
Имѣй довѣренность и нынѣ къ Провидѣнью
При новомъ опытѣ твоихъ душевныхъ силъ:
Источникъ благости слезамъ и огорченью,
Равно какъ всѣмъ вещамъ, предѣлы положилъ!
Кому же памятникъ надгробной созидаешь
Близь перваго? чей прахъ въ объятія земли,
Сей общей матери, рыдая, опускаешь?
Прахъ дочери!... Увы! еще не отцвѣли
Щастливой юности прелестны сердцу розы —
И смерть скосила ихъ!.... Жестокая! постой!
Взгляни на горькія родительскія слезы;
На скорбь подругъ!... Но, ахъ! ударъ свершился твой!...
Ни красота души, ни умъ, ни дарованья,
Ни дружбы, ни родства жарчайшія мольбы,
Ни сиротѣющей любви самой страданья —
Ничто не трогаетъ безжалостной судьбы!
Уклонимъ же главу подъ скиптръ ея желѣзной!
Въ сопротивленіи успѣха, пользы нѣтъ!
Терпѣть съ надеждою, что тамъ, за страшной бездной,
Въ покойной пристани насъ Ангелъ щастья ждетъ;
И все, что было намъ въ сей жизни драгоцѣнно,
Съ улыбкой радости, восторга встрѣтитъ насъ;
Что будетъ, наконецъ, все это непремѣнно:
Вотъ непорочныя души священный гласъ!

(*) Dieu retira son souffle, et Eugénie mourut (*такого-то года*) — Вотъ вся надпись памятника Княгини Евгеніи Сергеевны Долгорукой. Онъ въ Донскомъ Монастырѣ.

IX.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Пусть высохнетъ (*) перо, забытое Поэтомъ
Во время горестей — отравы нашихъ дней;
Пускай разстанется онъ съ чуждымъ грусти свѣтомъ,
И будетъ только *гость* средь щастливыхъ людей:
Но сердце тоже въ немъ; оно не высохнетъ
Въ чувствительной груди: чувствительность навѣкъ
Удѣломъ Фебовыхъ достойныхъ чадъ бываетъ.
Что есть любимецъ музъ? — изящный человѣкъ.
Иначе льзя ли быть? иначебъ не избрали
Въ служители себѣ богини къ олтарямъ. . . .
Онѣ въ своихъ жрецахъ подпору тверду дали
Всѣмъ добродѣтелямъ, отечеству, Царямъ. —
Невѣждѣ ль отвратить отъ насъ удары рока,
И горькую слезу любовью отереть?
Невѣждѣ ли спасти невинность отъ порока,
И въ юныя сердца добро запечатлѣть?
Невѣждѣ ли держать въ рукахъ вѣсы Ѳемиды,
И пользу ближняго святыней почитать?
Невѣждѣ ль слабаго отъ наглости, обиды
Сильнѣйшаго мечемъ законовъ защищать?

(*) Любезный Поэтъ писалъ ко мнѣ однажды, что его перо *высохло*.

Невѣждѣ ли предстать ко Трону полной власти
Съ совѣтомъ истины, таланта и ума?
Невѣждѣль обуздать свои, чужія страсти?...
Ахъ, нѣтъ! его удѣлъ — души и сердца тьма,
И свѣтъ постылъ ему!... Сова въ тѣни таится
Какъ будто для того, чтобъ въ стаяхъ птицъ другихъ
Смѣшнымъ твореніемъ природы не явиться,
И безобрабразіемъ своимъ не тѣшить ихъ. —
Оставимъ мрачныхъ совъ, и слухъ нашъ соловьями
Займемъ и въ бурной день; подъ тучею Орфей
Пернатыхъ долженъ быть внимаемъ болѣ нами:
Тогда чудесенъ онъ въ гармоніи своей;
Тогда онъ самъ себя въ талантѣ превосходитъ.
Такъ и поэтъ: когда печаленъ сердцемъ онъ,
Тогда источникъ чувствъ живѣйшихъ въ немъ находитъ. . .
Въ лугахъ Адметовыхъ пѣлъ лучше Аполлонъ!
А Йонгъ, стенящій Йонгъ?... Но я благоговѣю
Предъ скорбію твоей, столь свѣжею еще,
И пѣсенъ требовать твоихъ, Поэтъ, не смѣю,
Или бы требовалъ конечно ихъ вотще.
Ты положилъ перо за тѣмъ, чтобъ взять другое,
И Граціямъ служивъ, сталъ истинѣ слугой;
Чтобъ быть для согражданъ своихъ полезнымъ вдое,
И щастьемъ ближняго украсить жребій свой. —
Я былъ свидѣтелемъ участья, состраданья,
Которыми судьбу ты бѣдныхъ облегчалъ;
Я слышалъ вкругъ тебя сердечныя признанья,
Тогда какъ съ милою ты скромностью молчалъ.
Ахъ! нѣжная душа — сокровище безцѣнно,
Святилище всѣхъ благъ, нужнѣйшихъ для людей;

Добро, которое вовѣки не измѣнно,
И безъ котораго все мертво въ жизни сей!
Душа перомъ твоимъ и водитъ и водила,
И для того всегда равно *любезенъ* ты
Поэтомъ и Судьею!... Ахъ! скоро заступила
Существенность твои прелестныя мечты!
Существенность— сей врагъ игры воображенья;
Палящій сильный зной для сердца для души;
Отрава нашего прямаго наслажденья!...
Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только хороши!
Сатурнъ — которой все въ бездонную утробу
Своихъ желѣзныхъ ребръ съ поспѣшностью кладетъ;
Которой по шипамъ терновымъ насъ ко гробу
Рукою мѣдною съ угрозою ведетъ;
Которой вмигъ твои похитилъ утѣшенья,
А съ ними сладкія минуты для друзей,
Дѣлившихъ все съ тобой: забавы, упражненья,
Среди любезныхъ Музъ, во храминѣ твоей —
Сатурнъ выводитъ насъ подчасъ и на долину,
Покрыту розами изъ цвѣтниковъ Армидъ,
И жизни горестной ужасную картину
Перемѣняетъ вдругъ на живописный видъ:
Быть можетъ, и Поэтъ, забывшій въ грусти лиру,
Съ которою во дни щастливѣйши пѣвалъ —
Такъ пламенно! — любовь, блаженство и *Глафиру*,
И въ нѣдра нашихъ чувствъ свои переливалъ, —
Возметъ ее опять — не томною рукою,
Но съ живостью души, довольной наконецъ,

По буряхъ случаевъ, спокойною судьбою —
Сей милой пристанью, — желаньемъ всѣхъ сердецъ.
А между тѣмъ мое жарчайши возсылаетъ
Моленья къ небесамъ о щастіи того,
Которой щастію другаго посвящаетъ
Всѣ силы генія и духа своего!

X.

На новоселіе

Б* К* Б***.

Не съ вазой, съ бронзою, съ фарфоромъ дорогими
(Фортуна, Рокъ меня не одарили ими!);
Но съ чистой, искренней душой
Вхожу къ тебѣ на новоселье.
„Будь щастливъ — говорю — во вѣкъ своей судьбой!
Да радость, наслажденье
Покоемъ, жизнію съ любезными тебѣ,
Дни мирные твои всечасно украшаютъ!“—
И сердца пламенной мольбѣ
Правдивы Небеса внимаютъ.
Но кто украсилъ домъ прелестный, новый твой?
Кто положилъ печать пріятности волшебной
На каждомъ въ немъ шагу? Кто нѣжною рукой,
Искуствомъ подкрѣпленной,
Поставилъ кажду вещь въ приличномъ мѣстѣ ей?...
То лакозый паркетъ, то мраморны камины,
То шитыя иглой Минервиной картины—
Сіи роскошные предметы для очей —
По перемѣнно ихъ и мысли занимаютъ,
И удовольствіемъ питаютъ.
Всего же болѣе взоръ съ сердцемъ веселитъ
Уборная твоей супруги:
Здѣсь Граціи, ея подруги,
Трудились сами дать всему прелестной видъ,
И тѣмъ любезныя богини доказали,

Что истину онѣ во всѣхъ вещахъ узнали:
Царицею должна супруга въ домѣ быть;
Царицѣ *Граціи* должны всегда служить....
Но ты молчишь — не отвѣчаешь?
Назвать Артистовъ не желаешь,
Украсившихъ твой храмъ?... Я самъ узнаю ихъ:
Вкусъ, нѣжность, чувство, умъ— вотъ имена твоихъ
Артистовъ несравненныхъ,
Всегда искусныхъ, совершенныхъ!

XI.

КЪ АРИСТУ.

Какъ! правду будто разглашаютъ,
Что въ лѣтахъ щастливой любви,
На возрастѣ дурачествъ милыхъ
Проводишь мрачно дни свои
Ты въ меланхоліи печальной?
Что въ удаленіи отъ клятвъ,
Иль отъ измѣнъ красавицъ нашихъ,
Отъ ихъ искателей смѣшныхъ,
Отъ ссоръ ихъ, ревностью возженныхъ,
Забавы нѣкогда твоей;
Что утомленный свѣтскимъ шумомъ
И остроуміемъ его,
Уединенный средь Столицы,
Спокойный въ шумѣ пиршества,
Умѣренный при лучшихъ блюдахъ —
Ты жить расположенъ впередъ
Безъ займодавцевъ и любовницъ?...
Гдѣ времена щастливы тѣ,
Когда на крылышкахъ Амура
Ты увѣренья разносилъ
Въ любви симъ вѣтреницамъ милымъ,
И недовольныхъ дѣлалъ тьму?
Тогда бывъ веселъ безъ науки,
Въ долгу безъ платы, безъ заботъ,
Неистощимъ въ игрѣ словами,
Умѣлъ ты съ тонкостью шутить,
Нескромнымъ быть съ великой тайной
И кстати криво разсуждать? —
Къ элегіи отъ эпиграммы

Какимъ ты чудомъ перешелъ?
И что за бѣдственная сила
Тебя заставила почесть
Безчувствіе прямымъ искуствомъ
И жить и мыслить въ свѣтѣ семъ?
Пускай Эрастъ, который славу,
По гордости души своей,
Находитъ въ имени великомъ
И только думаетъ о немъ;
Который вѣчно не смѣется,
И уважаетъ — лишь себя;
Пускай Эрастъ въ пустынѣ мрачной
Навѣки скроется отъ насъ,
И утомясь скучать другому,
Скучаетъ въ очередь свою:
Но ты, во цвѣтѣ лѣтъ надежды,
Рожденный для однѣхъ утѣхъ,
Который лѣтопись Цитерску
Украсилъ щастіемъ своимъ —
Зачѣмъ ты вышелъ, удалился
Отъ сферы собственной своей,
И склонность сердца побѣждая,
Желанья гасишь всѣ свои?...
Божка, который предсѣдаетъ
Въ капризахъ *розовой* любви,
Вновь пламенникъ зажги щастливый —
Орудіе твоихъ побѣдъ —
И для Овидія Платона
Оставя навсегда, ступай
Принять изъ рукъ Армиды новой
Волшебну перевязку глазъ!

XII.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ — СУДЬЯМЪ СТИХОТВОРСТВА.

О вы, которыхъ мнѣ улыбка одобренья
И строгій взоръ суда священнѣе всего!
Для васъ въ душѣ моей огонь пылаетъ рвенья
Къ успѣхамъ слабаго таланта моего!
Не вѣрьтѣ мрачному поэту-мизогину,
Который говоритъ: „Я жить хочу въ вѣкахъ,
Не въ женскихъ вѣтреныхъ сердцахъ!“
Онъ тронуть не умѣлъ изъ женщинъ ни едину
Поэзіей своей, холодною какъ самъ;
И для того отмстить презрѣньемъ хочетъ вамъ,
И для того въ *вѣкахъ не жить* ему конечно!
Не вамъ ли нѣжный вкусъ и тонкій разумъ данъ,
Какъ прелести лица, какъ стройный, гибкій станъ?
Но часто суетность.... скажу чистосердечно:
Иначе не могу я съ вами говорить!...
Такъ, суетность, чтобъ вдругъ вниманье обратить —
Чегобъ ни стояло, безъ всякаго разбора,
Невѣждыль, мудреца — на рѣзкость разговора,
Которымъ въ обществѣ предъ всѣми отличить
Себя вы захотите;
Чтобъ удивленіе въ одномъ,
Чтобъ хохотъ произвесть въ другомъ
(Нельстиву истину питомцу Музъ простите!):
Все это дѣлаетъ начасъ
Прекраснѣйшихъ вещей дурнымъ судьею васъ!—

И вы — безъ умысла отъ сердца веселитесь....
На собственный свой счетъ!... Вздыхаю и молчу!
Ахъ! мнимою ни въ чемъ удачей не гордитесь!
Совѣтомъ истины я вамъ служить хочу:
Вы любите стихи — и что же? тонкость чувства,
Гармонія идей, щастливый выборъ словъ,
Побѣда славная надъ трудностью искуства —
Всѣ, словомъ, красоты, достоинства стиховъ,
Въ минуту *слабости* не скромнаго движенья,
Не стоятъ вашего ни мало уваженья!
Вы хвалите — на зло и вкусу и себѣ,
Хорошаго дурнымъ въ печальную замѣну —
Поэта жалкаго и людямъ и судьбѣ,
Который на примѣръ *промылъ слезою стѣну!!*
„Какъ это сказано! какой отмѣнный даръ!
Какая нѣжность, сила, жаръ!“ —
Вы утверждаете.... на эту только пору:
Я знаю, знаювасъ! — и нѣтъ причины къ спору.
Но всѣ ли женщины литтературнымъ симъ
Капризамъ иногда подвержены бываютъ?
Нѣтъ! заключеніемъ моимъ
Пускай сего не почитаютъ!
Вамъ на Эмилію спокойно укажу,
И съ твердостью того, что испыталъ, скажу:
Она читая размышляетъ;
Въ оттѣнки тонкія, въ искусныя черты,
Въ движенье, въ оборотъ стиховъ и фразъ вникаетъ,
И ясно видитъ всѣ пороки, красоты,
И *мнѣніемъ* своимъ вовѣки *не играетъ*.
Притче-мораторя отнюдь не назоветъ
Россійскимъ Лафонтеномъ,
Ни Пиндаромъ того, кто бредитъ — не поетъ,
Ни шута-риѳмача Синопскимъ Діогеномъ.

За то судомъ ея другъ Феба дорожитъ!
Вотъ образецъ для васъ, Парнасскія царицы!
Послѣдуйте ему, и жертвы Аонидъ,
И громкій лиры гласъ, и тихій тонъ цѣвницы,
И разумъ и талантъ — все посвятится вамъ,
Любезныя душѣ, прелестныя сердцамъ!

XIII.

КЪ А*** С*** Т — й.

Я видѣлъ тѣ мѣста, которыя тобою
Когда-то красились, въ которыхъ ты жила
Съ любовью, дружбою и смирною душою;
Гдѣ всѣми чтима ты была,
Гдѣ съ чувствомъ о тебѣ всегда воспоминаютъ,
И гдѣ слѣды твои цвѣтами усыпаютъ....
Ахъ! какъ пріятно, сладко жить
Въ сердцахъ у добрыхъ и заочно!
Какъ щастіе любви небесной, чистой прочно!
Его не можетъ — нѣтъ! и время истребить!...
Съ обыкновенными души моей мечтами
Ходилъ я по твоимъ слѣдамъ;
Безъ всякаго труда отыскивалъ ихъ самъ,
Или передо мной они являлись сами.
И могъ ли не узнать я ихъ?
И льзяли было имъ уйти отъ глазъ моихъ?
Въ саду Армидиномъ (*), гдѣ дышетъ все прохладой,
Надеждой, радостью; гдѣ съ томною Дріядой
Сильфъ пламенный любви и щастью Гимнъ поютъ,
И щастье и любовь другъ другу въ сердце льютъ;
Гдѣ мысли въ области прошедшаго летаютъ;
Гдѣ тысяча вещей
Воображеніе чудесно занимаютъ;
Гдѣ все душѣ моей

(*) Въ Ораніенбаумѣ.

Служило пищею пріятною и новой:
Тамъ я угадывалъ мѣста, въ которыхъ ты
Одна, сама съ собой и съ Юліей Руссовой
Питала сладкія, щастливыя мечты;
Всѣмъ сердцемъ вѣрила блаженству нѣжной страсти,
Которую ни рокъ, ни всѣ на свѣтѣ власти
Не могутъ покорить подъ грозный скипетръ свой:
Ахъ! только страстію такой
Душа — не хладная, сухая —
Довольна можетъ быть,
И щастье вѣчное въ себѣ лишь находить,
Другому щастье сообщая!
„А здѣсь," я думалъ: „столъ подъ тѣнью вязовъ сихъ
Съ *Китайскимъ нектаромъ* не разъ былъ поставляемъ,
И чай душистый разливаемъ
Хозяйкою въ кругу семьи, друзей своихъ."
Ахъ! какъ завидовалъ я наслажденью ихъ!
„Здѣсь ввечеру она гуляла вмѣстѣ съ ними,
Здѣсь бѣгала съ дѣтьми, здѣсь съ чувствами живыми
Смотрѣла на море, на флаги кораблей,
И думала съ Поэтомъ:
„Нѣтъ невозможнаго на свѣтѣ для людей! —
„И люди сдѣлались владыками надъ свѣтомъ."
По каждой Англійской дорожкѣ золотой,
Казалось мнѣ, я шелъ тихонько за тобой;
Подъ каждымъ деревомъ кудрявымъ и тѣнистымъ
Я воздухомъ дышалъ съ тобою свѣжимъ, чистымъ,
И даже вслухъ тебѣ, забывшись, говорилъ
О томъ, что для себя прекраснымъ находилъ....
Отвѣта не было!... Иль эхо за горою

Перекликалося, изъ жалости, со мною. —
„А тамъ.... Но можно ли бумагѣ передать,
Въ подобныхъ случаяхъ, всѣ наши впечатлѣнья?...
Надеждой веселюсь изустно все сказать,
Все — все безъ исключенья.
Ужъ повѣстей отъ насъ не далека пора:
Приходятъ длинные осенни вечера;
Романы, Были намъ помогутъ ихъ убавить,
И время скучное улыбкою приправить.
Пылающій каминъ и сердца скромный жаръ
Улиссу твоему въ разсказахъ — но правдивыхъ —
Доставятъ *занимать* не много трудный даръ....
Съ какою жадностью жду сихъ минутъ щастливыхъ!

XIV.

На причащеніе
А* ф* Т***.

Въ комъ разумъ не угасъ, съ тѣмъ къ истинѣ святой
Еще приближиться возможно,
И указать ему спасительной, не ложной
Свѣтъ добродѣтели прямой —
Сказалъ ты самъ!.... и, ахъ! въ сердечномъ заблужденьи,
Въ душевной слабости и чувства въ усыпленьи
Ты долго.... Но почто смущать твой нынѣ духъ!
Уже отверзлися глаза твои и слухъ
Ко добродѣтели, ко истинѣ прелестнымъ,
И разумъ твой плѣненъ сіяньемъ ихъ небеснымъ!
Такъ! всѣхъ изящныхъ чувствъ щастливѣйшій союзъ
Скрѣпленъ Религіей священной!
Кто не хранитъ ее, тотъ не хранитъ и узъ
Ни сладостной любви, ни дружбы драгоцѣнной;
Въ томъ сердце хладное, въ томъ мрачная душа!
Но какъ того вся жизнь спокойна, хороша;
Какъ чисты, безмятежны нравы,
Кѣмъ уважаются премудрые уставы —
Благая цѣль путей великаго Творца —
Въ Природѣ, въ Откровеньи!
Взгляни на жалкаго надменнаго слѣпца
Умомъ и чувствами: въ своемъ ожесточеньи,

Въ ужасной ярости своей
Онъ гонитъ истину, онъ гонитъ добродѣтель,
А съ ними радости и щастье нашихъ дней!
Страна плачевная (*) была тому свидѣтель.
Да Небо насъ хранитъ отъ грозныхъ сихъ слѣпцовъ,
Отъ сихъ безумныхъ мудрецовъ,
Которымъ суетность, тщеславіе милѣе,
Пріятнѣе того, что намъ дано въ предметъ
Блаженства — *здѣсь* и *тамъ*! Всѣхъ золъ они суть злѣе,
И власти, царства ихъ страшиться долженъ свѣтъ!

(*) Франція во время революціи.

XV.

ДЛЯ НОВАГО АЛЬБОМА

Любезной дѣвицы, которую зовутъ Вѣрою.

Мнѣ должно первому (пріятный сердцу долгъ,
Которымъ ты меня почтила!)
Писать на сихъ листкахъ. Стиховъ любезный богъ!
Питомцу твоему въ Альбомѣ семъ (*) вручила
Невинность милая прелестный образъ свой:
Води же самъ моей рукой!
Невинность для тебя всего милѣе въ свѣтѣ—
И первымъ качествомъ ей должно быть въ поэтѣ.
Порокъ противенъ Небесамъ;
А лесть — безславіе стихамъ!
Къ Тебѣ я наконецъ, о Вѣра! обращаюсь,
Твоею благостью святою восхищаюсь!
Гдѣ нѣтъ тебя, тамъ нѣтъ и щастья для людей:
Ты солнце радости ихъ мрачныхъ, бурныхъ дней;
Съ тобою горестный находитъ всю отраду;
Твои сопутницы — Надежда и Любовь!
Страдалецъ видитъ въ нихъ сладчайшую награду
За скорби жизни сей, и жить желаетъ вновь!
Кто добродѣтели въ душѣ своей *не вѣритъ*,
Тотъ дѣлая добро, предъ нами лицемѣритъ!

(*) На *бѣлыхъ*, и только бѣлыхъ его листкахъ не было еще ни чего написано.

Безъ Вѣры все мечта, все призракъ, все обманъ;
Темница здѣшній свѣтъ, а человѣкъ — тиранъ.
Но съ Вѣрою какъ благъ, какъ нѣженъ онъ душою!
Какъ серцемъ милостивъ, и какъ великъ умомъ!...
Довольно! съ *бѣлыми листками* твой Альбомъ
Мнѣ подалъ о тебѣ съ тобою
Пріятный случай говорить!...
Но помню: *Все сказать есть тайна скучнымъ быть* (*)!

(*) Le secret d'ennuyer est celui de tout dire.

XVI.

КЪ N. N.

Изъ Семферополя.

Въ странѣ, любимой свѣтлымъ Фебомъ,
Подъ кроткимъ, мирнымъ, яснымъ небомъ,
При видѣ грозныхъ, мшистыхъ скалъ,
Долинъ смѣющихся, прелестныхъ,
Красотъ природы повсемѣстныхъ,
Гдѣ я въ восторгахъ трепеталъ,
Гдѣ взоромъ дерзскимъ измѣряя
Пространство моря, цѣпи горъ,
И въ безконечности теряя
Ненасытимый, жадный взоръ,
Я находилъ въ себѣ два чувства,
Живѣйшихъ, новыхъ для меня, —
Какъ ночи мракъ и ясность дня,
Какъ даръ Небесъ и трудъ искуства,
Различныхъ такъ между собой: —
Ничтожности моей тѣлесной
И связи непонятно-тѣсной
Ея съ безсмертною душой!
Громадъ, пучинъ сихъ ужасаюсь,
Но имижъ райски наслаждаюсь;
И только въ смѣси чудной сей
Сокрыто щастье для людей! —
Въ странѣ, безцѣнной для поэтовъ
Мечтою, истиной предметовъ,
Прошедшимъ, настоящимъ, всемъ:
Въ очаровательной *Тавридѣ!*
При словѣ стихотворномъ семъ
Готова мысль о Еврипидѣ,

Ифигинеи, двухъ друзьяхъ,
Союзомъ твердымъ знаменитыхъ,
И объ ужасныхъ олтаряхъ,
Невинной кровію облитыхъ!
Но время мнѣ уже сказать,
Что въ сей странѣ изящно-грозной
Я сталъ стихи твои читать (*) —
И вотъ на нихъ отвѣтъ мой поздной;
Читать не въ первый только разъ,
Но съ первымъ въ жизни наслажденьемъ
Такихъ минутъ, которыхъ часъ
Изгладитъ сладостнымъ забвеньемъ
Печали, скорби многихъ лѣтъ!
Прими, любезный мой Поэтъ,
Души моей благодаренье! . . .
Но кто опишетъ все движенье,
Весь жаръ щастливѣйшей души?
Ты самъ, мой другъ, сію картину
Въ воображеньи напиши.
Блажу, блажу мою судьбину!
Слети, фантазія, ко мнѣ
Съ холмовъ цвѣтущихъ, ароматныхъ,
И въ сихъ долинахъ благодатнымъ
При вѣчной, радостной веснѣ,
Возьми свой скипетръ лучезарный
И покори подъ власть его
Всѣ чувства сердца моего,
И самый умъ, неблагодарный
Подчасъ за милости твои!
А вы, безцѣнные мои,
Друзья души нелицемѣрны,
Съ которыми сей жизни терны
Тупѣютъ подъ пучками розъ;

(*) Напечатанные подъ заглавіемъ: *Майскій вечеръ въ отсутствіи друга*, и полученные мною во время моего путешествія.

Съ которыми нѣтъ горькихъ слёзъ,
Меня собою окружите,
Мои восторги раздѣлите!
Одинъ я не умѣю быть
Довольнымъ, радостнымъ, щастливымъ;
Умѣю быть лишь терпѣливымъ
И скорби тотчасъ позабыть.
Охотно, искренно прощаю
Врагу, мнѣ сдѣлавшему зло;
Предъ каждымъ смѣло поднимаю
Мое негордое чело;
Предъ добродѣтелью единой
И безпорочною сѣдиной
Она поникнетъ до земли.
Взгляните, милые, со мною
На эту сцену. Тамъ, вдали,
Волна стремится за волною;
На нихъ колеблется фрегатъ,
И лодка съ мачтою мелькаетъ:
Эвксинскій Понтъ напоминаетъ,
Что здѣсь былъ грозный Митридатъ,
Ужасный мужествомъ и флотомъ
Для самыхъ Римлянъ — сихъ царей
Надъ міромъ доблестью своей, —
И былъ ихъ гордости оплотомъ.
Потомъ свой обратите взоръ
Къ симъ нѣкогда стѣнамъ цвѣтущимъ
И благо общества стрегущимъ,
Торговлей, славой — и позоръ
На ихъ слѣдахъ теперь прочтите;
Рукою варварскихъ временъ
Судьбу начертанну племенъ
Различныхъ, многихъ посмотрите,
И взгляньте наконецъ туда,
Гдѣ сердце ваше улыбнется,
Гдѣ въ грудь восторгъ рѣкой прольется,

Гдѣ вы безъ всякаго труда
Найдете пищу и предметы
Для сладкихъ мыслей, чувствъ живыхъ —
И въ щастливыхъ мечтахъ своихъ
Готовы будете обѣты,
Подобно мнѣ, душей творить,
Чтобъ здѣсь вѣкъ цѣлый проводить
Съ природой, другомъ и подругой, —
И полный, *истинный* романъ,
Воображенія услугой
На утѣшеніе вамъ данъ! — —
Мѣста, достойныя Руссовой
Безсмертной Элоизы Новой!
Почто я кистію сего
Любви Апелла не владѣю,
И съ сердцемъ можетъ быть его
Изобразить васъ не умѣю?
Но въ памяти, въ душѣ моей
Вы не изгладитесь конечно,
И будете отрадой вѣчно
Моихъ прискорбныхъ, грустныхъ дней!
Къ тебѣ опять, Пѣвецъ щастливый
Природы, дружбы и любви!
Я обращаю гласъ нельстивый:
Рви нѣжною рукою, рви
Цвѣты, которые срывали
Когда то Геснеръ, Теокритъ;
Ихъ жаръ въ груди твоей горитъ!
Они бы сами увѣнчали
Тебя за кажду пѣснь твою!...
Ахъ! еслибъ мирную мою,
О другъ! украсилъ ты могилу
Цвѣткомъ любви, и пѣснь унылу
Печальной дружбѣ посвятилъ, —
Я и въ могилѣ бъ щастливъ былъ!

XVII.

КЪ В* Л* П***.

Un orgueil très méprisable, un lache intérêt plus méprisable encore, sont les sources de toutes ces critiques dont nous sommes inondés.

Voltaire.

Защитникъ истины, таланта и ума,
О витязь подрстственный на поприщѣ искуства
Плѣнять сердца красой языка, мысли, чувства!
Въ Посланіяхъ твоихъ (*) гармонія сама —
Гармонія стиховъ стихъ каждый составляла
И тщательно свою на каждомъ оставляла
Блестящую печать, которая для глазъ
Варяго - авторовъ несноснѣй во сто разъ,
Чѣмъ солнца яркаго лучи для птицъ Минервы!
Орудіемъ боговъ, Поэзіей, ты первый
Въ словесности расколъ ужасный поразилъ,
И Фебъ тебѣ вѣнокъ съ улыбкою вручилъ.
Враги *изящнаго*, враги добра и Феба!
Такъ дивноль, что тебя, любимца своего,
Онъ избралъ защищать дары благіе Неба,
И былъ ревнителемъ успѣха твоего?
Почтенный Витязь мой! исторія *Пиѳона*
Есть подвиговъ твоихъ! Я вижу *Аполлона*
Въ творцѣ Посланій: ты цѣвницей золотой
Свершилъ, что онъ своей карательной стрѣлой!
Но стрѣлы зависти и злобы не престанутъ
Свистать на воздухѣ — противно для ушей,

(*) Къ В. А. Ж. и къ Д. В. Д.

Безъ всякаго вреда! я знаю. Такъ борей
Подуетъ, и цвѣты весенни не увянутъ,
Лишь только разольютъ свой дальше ароматъ.
Я нынѣ былъ въ странѣ, гдѣ нравы и климатъ
Поэтамъ милую страну напоминаютъ
И душу сладкою отрадою питаютъ;
Я былъ, могу сказать, въ *Аркадіи* другой (*),
И чувствовалъ въ груди веселье и покой.
Средь мирныхъ жителей, среди долинъ щастливыхъ,
Далеко отъ суетъ, отъ замысловъ кичливыхъ,
Отъ мѣлкихъ, рабственныхъ, презрительныхъ страстей,
Отъ сихъ по степени, по титламъ великановъ,
Но по дѣламъ своимъ Пигмеевъ, не людей,
Отъ сихъ лжеумниковъ, достоинства тирановъ;
Въ забвеньи горестныхъ о ближнемъ, о себѣ
На жизненномъ пути и чувствъ и помышленій
Я сердца Гимны пѣлъ, что день моей судьбѣ;
Что день, мнѣ новые дары мой добрый Геній
Изъ нѣдръ таинственныхъ натуры приносилъ;
Въ ея святилищѣ водимъ я онымъ былъ.
Младенцемъ находясь въ познаніяхъ глубокихъ,
Слѣпцомъ въ дѣлахъ Творца премудрыхъ и высокихъ,
Я вѣрилъ чувствію душевному — оно,
Сей геній мой, меня учило, просвѣщало:
Начто мнѣ бытіе разумное дано,
Откуда существа всѣ приняли начало,
Какой имѣть должны онѣ и я конецъ,
Какія для дѣтей *тамъ* участи готовитъ
Великій въ правотѣ и милостяхъ Отецъ;

(*) Въ Крыму.

Почто *здѣсь* добраго коварный въ сѣти ловитъ,
И добрый не уйдетъ коварнаго сѣтей. . . .
Суди же, не былъ ли я истинно, сердечно
Щастливымъ смертнымъ? Ахъ! но щастье скоротечно,
Не можетъ вѣчнымъ быть удѣломъ нашихъ дней!
Я возвращаюся подъ кровъ мой безъизвѣстный,
Въ столицу гордую, и посохъ мой кладу;
Изъ области Наукъ вѣстей пріятныхъ жду,
Заранѣ веселюсь.... И что же? повсемѣстный
Я слышу авторовъ ужаснѣйшій раздоръ!
Возможно ли? предметъ полезнѣйшій для свѣта,
Для чувства, для ума, предметъ есть нынѣ ссоръ!
Писатель и поэтъ писателя, поэта
Гонитель, жаждущій погибели ему!...
Я лучше предпочту невѣждъ безвредну тьму
Такому ложному познанью, просвѣщенью;
Такому мнимому таланту, поученью
Надменнѣйшихъ умовъ!... Сокройтесь отъ меня,
Словесники (*)! я васъ, я вашихъ словъ бумажныхъ,
Враждою дышащихъ, страшуся какъ огня
И какъ направленныхъ на грудь ударовъ шпажныхъ!
Винюсь, что я готовъ возненавидѣть васъ!
Бѣгите отъ моихъ, славяноманы, глазъ!...
И торжествуйте: я съ словесностью прощаюсь!...
Съ словесностью? А Музъ достойные друзья?
Не уже ли прощусь и съ вами также я?

(*) Такъ нѣкоторые переводятъ слово *литтераторъ* (!!), если не ошибаюсь.

Ахъ, нѣтъ! къ вамъ съ прежнею любовью возвращаюсь,
И пѣнью вашему, подобно какъ весной
Внимаютъ соловьямъ, внимать съ восторгомъ буду;
Что хоры галокъ есть, я даже позабуду
При вашихъ голосахъ!... Любезный П***, пой!

XVIII.

КЪ МОЕЙ ХИЖИНѢ.

Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.

Кантемиръ, Сат. 1 я.

Что значатъ пышные вельможъ, царей чертоги,
Гдѣ въ мрачной гордости, съ холодною душей,
Простые смертные скрываются какъ боги
Отъ взора, отъ любви подобныхъ имъ людей, —
Что значатъ, говорю, предъ хижиной моею?
Ахъ! какъ доволенъ я, и какъ любуюсь ею!
Могуль завидовать, фортуны чада, вамъ?
Прямыя радости не вашимъ знать сердцамъ
Дано Природою, сей матерью благою,
Своихъ покорныхъ чадъ! Ведомые рукою
И нѣжностью ея, они по миртамъ въ путь
Ко щастью тихому, но вѣрному вступаютъ;
Не золотомъ душѣ веселья покупаютъ:
Веселья купленны не проліются въ грудь!
Природа даромъ ихъ повсюду расточаетъ,
Гдѣ только чистыя сердца она встѣчаетъ.
Такъ нашъ сказалъ одинъ любезнѣйшій Поэтъ,
Которому знакомъ довольно бѣлый свѣтъ.
Безъ щастья щастливымъ, богатымъ безъ богатства
Быть предоставлено для Фебова собратства.
И я, по благости созвѣздья моего,
Или по дерзостной мечтѣ, въ числѣ его!
Богатства, щастія въ глаза и я не знаю;

И я, безъ тысячи неутомимыхъ рукъ,
На розахъ, какъ Лукуллъ раскошный, отдыхаю,
Покинувъ сладостны объятія. . . . наукъ.
Сирены льстивыя, волшебницы Армиды,
Въ объятіяхъ у васъ сокрышы Эвмениды!
Не бронза, не фарфоръ, не мраморъ вкругъ меня;
Но книги, но портретъ, но бюстъ людей великихъ.
Въ нѣмой бесѣдѣ ихъ не примѣчаю дня.
А тамъ передо мной горшокъ *гвоздичекъ дикихъ*—
Символъ невинности — съ левкоемъ дорогимъ,
Безцѣннымъ для меня: когда-то Флора имъ,
Или — что все одно — Эльвира занималась!
На немъ, на немъ печать души ея осталась:
Онъ съ *каждымъ днемъ цвѣтетъ*, и въ *новой красотѣ*
Всегда является глазамъ моимъ плѣненнымъ.
Дивлюсь! Судьба ему велѣла быть нетлѣннымъ,
Подобно какъ моей прелестнѣйшеѣ мечтѣ
О радостяхъ любви остаться ввѣкъ — мечтою!
Но болѣе всего я нахожу съ тобою
Забавы чистыя, другъ сердца моего,
Повѣренный всѣхъ чувствъ, движеній всѣхъ его,
Моя смиренная, какъ самъ,— простая лира!
Ты служишь для души источникомъ утѣхъ!
И наконецъ — о день щастливѣйшій изъ всѣхъ!—
Въ щастливой хижинѣ моей была Эльвира!

XIX.

КЪ ФИЛОСОФУ

рѣки Услы.

Любезнымъ, мирнымъ мудрецамъ
Всегда любезны Музы были;
Онѣ амброзіей служили
Ихъ нѣжнымъ, искреннимъ сердцамъ.
Ума за-звѣздныя паренья,
Великихъ истинъ яркій свѣтъ,
Одинъ и тотъ же вѣкъ предметъ,
Однѣ и тѣже упражненья
Для сердца тяжкій приговоръ!
Сократъ отъ *вѣчности* свой взоръ
На милыхъ *Грацій* обращаетъ,
Своей рукой ихъ украшаетъ (*);
Идетъ къ Аспазіи дѣлить
Часы пріятныхъ развлеченій,
Душей, воображеньемъ жить
Средь Аонидскихъ вдохновеній.
И ты, въ забаву отъ трудовъ,
На арфѣ, какъ Давидъ, играешь;
Творца вселенной воспѣваешь,
Надежду, Вѣру и Любовь (**) —
Сіи источники благія

(*) Сократъ изваялъ Грацій.

(**) Сей почтенный и любезный философъ изобразилъ каждый изъ сихъ трехъ предметовъ Религіи нашей щастливыми стихами.

Награды, радости живыя
За скорби сердца для людей!
И такъ съ цѣвницею мнѣ милой
Тебѣ я воспою нельстивой
Гимнъ благодарности моей.
Коварство стрѣлы изощряло,
Скопляло для меня свой ядъ;
Шипя змѣей, главу подъяло. . . .
О какъ его ужасенъ взглядъ! . . .
На честь, на совѣсть, на законы,
Играя святостію ихъ,
Возстать мечтало безъ препоны,
И въ злобныхъ челюстяхъ своихъ
Невинность растерзать стремилось;
Уже успѣхомъ обольстилось:
Но ты, подобно какъ Алькидъ,
На Гидру смѣло наступаешь!
Любовь къ добру твой мечь, эгидъ —
И злость, дщерь адскую, караешь! . . .
Чудовище (*) во прахъ падетъ,
И ярости его предметъ —
Я имъ не поврежденъ остался.
Благій твой подвигъ увѣнчался
Хвалой чувствительныхъ людей
И гласомъ совѣсти твоей!
Судъ совѣсти людскаго строже,
И тѣмъ священнѣе, дороже
Ея свидѣтельство для насъ!
Въ послѣдній страшный жизни часъ
Оно для добрыхъ освѣщаетъ
Въ могилу мрачный, темный сходъ,
И съ нею сердцу отверзаетъ

(*) Ябеда. Сочинитель имѣлъ тяжбу, которую вѣрно бы проигралъ безъ помощи сего человѣколюбиваго и дѣятельнаго философа.

Лазурный, ясный неба сводъ!
Да будетъ *тамъ* твоя награда,
Среди нетлѣнна вертограда,
Почтенный Мужъ! за подвигъ твой.
Сей міръ для дней твоихъ преклонныхъ
Лишился прелестей ничтожныхъ,
И ты зовешь его — мечтой!

XX.

КЪ ДРУГУ.

(ОТРЫВОКЪ.)

. . . . . .

Такъ! уваженіе друзей
Есть жизни нашей украшенье,
Въ ея печаляхъ утѣшенье, —
Есть перло чести для людей!
И вотъ за чѣмъ себѣ желаю —
По праву сердца моего —
Я уваженья твоего;
Твоей души все свойство знаю!
Ея прекрасныхъ чувствъ вовѣкъ
Ничто *дурное* не коснется;
Въ добрѣ ты рѣдкій человѣкъ!
И духъ твой тотчасъ вознесется
Надъ слабостью, обычной намъ,
Лишь ты ее примѣтишь самъ
Въ своихъ движеньяхъ сокровенныхъ!
Ты всѣхъ сокровищъ міра тлѣнныхъ
Любви сокровищамъ благимъ
Не предпочтешь — и мнишь со мною,
Что все, даемое рукою,
Рукоюжъ можно возвратить,
И за услугу отплатить
Подчасъ услугою сугубой.
Съ душею чувственною, грубой
Пиладовъ и *Орестовъ* нѣтъ!
Мой другъ! цѣнить тебя умѣя
И нашу дружбу многихъ лѣтъ,
И ею въ сердцѣ пламенѣя, —

Лишь уваженіемъ твоимъ
И дорожилъ и буду вѣчно
Я дорожить чистосердечно,
Какъ *преимуществомъ* своимъ!
И горе тѣмъ сердцамъ холоднымъ,
Къ святому дружеству не сроднымъ,
Для коихъ мнѣніе друзей
Есть мнѣньемъ чуждыхъ намъ людей!...

XXI.

КЪ И* Г* И***.

Какая перемѣна,
Мой другъ, съ тѣхъ поръ во мнѣ,
Какъ я съ тобой разстался!
Я сталъ совсѣмъ — не я!
Всегда унылъ, печаленъ —
Ничто не веселитъ —
За вздохомъ вздохъ изъ сердца,
Въ слѣдъ имъ потоки слезъ.
Чтожъ этому виною?
Ты спросишь, милый другъ.
Увы! я самъ не знаю,
Но стражду и томлюсь!
Ахъ! можетъ быть въ задатокъ
Золъ будущихъ судьба
Предчувствіе лютѣйше
Вливаетъ въ сердце мнѣ!...
Съ тобой я веселился
Природой, жизнью, всемъ;
Теперь мертва природа,
Жизнь бремя для меня.
И городъ многолюдный,
Въ которомъ я живу,
Мнѣ кажется пустыней,
Гдѣ я влачусь одинъ,
Одинъ съ печальной мыслью,
Терзающей меня:
Начто я существую?
Начто есть *что нибудь*?
Закону разрушенья

Все въ мірѣ подлежитъ,
И самый міръ невѣченъ —
Начтожъ онъ сотворенъ?
Отвѣта нѣтъ — вздыхаю,
Безмолвствую, гляжу
На небо — небо меркнетъ,
Увы! въ глазахъ моихъ!
Срываю алу розу,
И думаю въ себѣ:
На что ты столь прелестна?
Минутна жизнь твоя!
На что гордится Хлоя
Своею красотой?
Она увянетъ такъ же
Истлѣетъ, какъ и ты!
Тутъ горестное чувство
Ничтожности всего
Опять возобновится
Терзать мой скорбный духъ! —
Ищу душѣ отрады
Въ сообществѣ людей,
Но взоръ мой не находитъ
Души во взорахъ ихъ!
Блескъ пышности, богатства
Лишь можетъ обратить
Къ себѣ ихъ все вниманье —
Другое ничего.
Печальный! удалися
Въ дремучіе лѣса:
Унылый видъ твой скученъ,
Несносенъ для людей;
Имъ надобно забавы,
И горести твои,
Чувствительность не могутъ
Въ сердцахъ ихъ возбудить.
Гдѣ весело, тамъ только

Всѣ братья и друзья;
Но гдѣ нещастный стонетъ,
Тамъ всякой эгоистъ.
Живя уединенно
Подъ кровомъ тишины,
Въ объятіяхъ покоя,
Любезнаго тебѣ,
Съ дражайшею супругой
И съ милыми дѣтьми —
Сколь щастливъ ты, не зная,
Мой другъ, каковъ есть свѣтъ!
Останься въ семъ незнаніи,
И лишь о томъ жалѣй,
Кто опыту подверженъ
Печальному сему. —
Я горестенъ, ты видишь,
Любезный, нѣжный другъ!
Утѣшь же силой дружбы,
Утѣшь меня. . . . Прости!

XXII.

КЪ М* И* Н***.

Другъ добродѣтели по чувству и дѣламъ!
Быть другомъ юношей все право ты имѣешь:
Ты указуешь путь ко щастью ихъ сердцамъ,
И въ души нѣжныя мораль чистѣйшу сѣешь!
Изыди на труды почтенные свои!
Предъ солнцемъ, снова къ намъ отрадой возсіявшимъ,
Изыди — стань — и мы всѣ *юноши* твои!
Повѣдай истины пріятность ихъ познавшимъ:
Отверсто поприще обширное тебѣ!
Дай чувствовать, что мы въ ужаснѣйшей судьбѣ,
Равно какъ въ щастливой, лобзать всемощну руку
Творца премудраго должны въ безмолвьи устъ;
Что Онъ во благо намъ шлетъ радость или муку;
Что цвѣтъ прелестнѣйшій надеждъ житейскихъ пустъ
Безъ упованія на милости небесны;
Что тайны щастія намъ въ мірѣ неизвѣстны;
Что промыслъ Божій лишь насъ губитъ и хранитъ
По нашимъ, передъ Нимъ заслугамъ несокрытымъ;
Что жалкой человѣкъ надъ бездной часто спитъ
Подъ небомъ, молніей носящей смерть, извитымъ,

Объемля райскія утѣхи въ льстивомъ снѣ,
И что не рѣдко золъ въ пучину погруженный,
Срываетъ, невредимъ, плоды на грозномъ днѣ,
Цѣлебной силой ихъ отъ язвинъ излеченный!
Господь благословитъ — вѣщай! и всякихъ лѣтъ
Съ любовью къ ближнему, къ закону, Богу, вѣрѣ
Всю пользу для себя въ словахъ твоихъ найдетъ,
А болѣе найдетъ еще въ твоемъ примѣрѣ?

XXIII.

КЪ ТЕМИРѢ.

Блаженства небо мнѣ надежда отверзаетъ —
Надежда, что могу я быть любимъ тобой;
Но лучь ея, блеснувъ, тогдажъ и исчезаетъ;
И горесть черною окинетъ душу мглой!
Ахъ! если подлинно въ природѣ существуетъ
Симпатія сердецъ, то наши съединить
Она конечно долженствуетъ!
„Другъ друга намъ судьбой назначено любить!“
Въ восторгѣ часто я, Темира, восклицаю,
И сердце томное мое
Мечтою сей одушевляю!...
Темира! преврати въ существенность ее!...
„Существенность *бѣдна* — но только не съ тобою!“
Сказалъ бы и мудрецъ, живущій ввѣкъ — съ мечтою.
Мнѣ жизни благомъ чтить, Темира, безъ тебя
Нельзя, нельзя!... и дни мученіемъ ужаснымъ,
И даромъ бѣдственнымъ, нещастнымъ
Я буду находить всечасно для себя!

*

Когда ты въ первый разъ съ улыбкою прелестной
Взглянула на меня: мгновенно ощутилъ
Я въ сердцѣ огнь небесной,
И жребій мой тебѣ въ молчаніи вручилъ!
Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ ты обитаешь

Съ владычествомъ въ душѣ моей;
Всѣ мысли, чувства всѣ, весь разумъ занимаешь;
Все щастье зрю мое въ одной любви твоей!

*

Я былъ по случаю свидѣтель,
Сколь сердцу твоему любезна добродѣтель!
Съ какою нѣжностью лила
Ты въ грудь болѣзненну отрады, утѣшенье!
Ты Ангеломъ тогда, не смертною была!...
Я видѣлъ вкругъ тебя восторгъ и умиленье!—
И время случая сего
Не приведетъ въ забвенье
До гроба моего!

*

Пусть самой злой тиранъ, съ жестокостью своею,
Въ той, кто мила ему, увидитъ хотя разъ
Сію любовь къ добру — и вѣрно въ тотъ же часъ
Полюбитъ онъ добро; захочетъ вмѣстѣ съ нею
Нещастныхъ утѣшать, чтобъ ей пріятнымъ быть,
Ея вниманіе, улыбку заслужить —
И сердце лютое со временемъ смягчится,
Благимъ, любезнымъ учинится!

*

Ахъ! часто стражду я душевною тоской,
И свѣтъ мнѣ кажется тогда унылъ, печаленъ, —
Пустыней страшною, гдѣ злобною судьбой
Я въ жертву горестямъ, отчаянью оставленъ.

Но только ты очамъ, прекрасная, моимъ
Явишься, и душа какъ солнцемъ озарится!
Съ небеснымъ образомъ твоимъ
Веселость, радость — все, все сердцу возвратится!
Темира! лишь тобою
Могу я возвращенъ себѣ и свѣту быть!...
Увы! съ душевной пустотою
Кто можетъ для себя, для свѣта съ пользой жить?

XXIV.

КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Въ Полуденную Россію, на письмо XXXIV (*).

Любезный юный философъ!
Скажи, какъ могъ въ такія лѣта
Ты стать въ ряду большихъ умовъ,
И силы пріобрѣсть Атлета,
Чтобъ заслужить отъ Музъ вѣнокъ?...
Подобно какъ весенній токъ,
Стремишься съ юною душою,
Куда она влечетъ тебя;
Обширный смѣлою рукою
Чертишь кругъ дѣйствій для себя,
И силъ души весь блескъ являешь,
Когда, какъ выспренній Платонъ,
О человѣкѣ размышляешь;
Объ обществѣ, въ которомъ онъ,
Быть можетъ щастливъ иль нещастенъ,
По мѣрѣ сколь страстямъ подвластенъ —
Симъ бурямъ сердца — духъ его;
Когда рисуешь для него
Жанъ-Жака кистію прелестной,
Картину нравственныхъ утѣхъ;
Той чистой роскоши, небесной
Сладчайшей для души изъ всѣхъ,
Котору умъ и вкусъ вливаютъ
Въ изящныя сердца людей,

(*) Перваго изданія.

И прелесть жизни составляютъ
Для нихъ въ юдоли скорбной сей;
Когда, какъ Франклинъ, совершенства
Моральнаго познавъ пути,
Зовешь для нашего блаженства
Въ слѣдъ добродѣтели идти.
Цвѣти, сынъ Феба! и плодами
Трудовъ, успѣховъ богатѣй,
Плѣняй насъ прозой и стихами
И будь въ словесности Протей (*)!

(*) Желаніе мое или, лучше сказать, пророчество не осталось тщетнымъ: любезный Путешественникъ, какъ извѣстно, кромѣ многихъ прекрасныхъ стиховъ, имъ написанныхъ, издалъ разнаго рода переводы и нѣсколько отличныхъ Журналовъ, также въ разныхъ родахъ.

XXV.

КЪ ЭЛЬВИРѢ.

Умремъ, Эльвира!... Ахъ! умремъ, мой милой другъ!
Оставимъ свѣтъ, людей, всю горесть жизни вдругъ!
Не *тамъ* ли щастье ждетъ насъ чистое, прямое?
Здѣсь имя, тѣнь его — ничто, ничто иное!
Тамъ злости, суеты, неправды, мести нѣтъ;
Тамъ страсть у всѣхъ одна, одинъ у всѣхъ предметъ:
Любить, вселять любовь, дышать любовью — вѣчно!
Здѣсь щастье и любви такъ быстро, скоротечно!
Руссо — который зналъ, что нужно для сердецъ;
Въ чемъ истина, обманъ; гдѣ скорби, наслажденья —
Руссо зоветъ меня въ небесныя селенья!...
Тамъ на челѣ его блистательный вѣнецъ —
Награда вѣрная надежды несомнѣнной,
Что есть безсмартіе и міръ другой нетленной,
Въ которомъ радости нетлѣнны, какъ и онъ,
Безсмертны какъ душа; гдѣ щастіе — законъ
Для чувствъ, для сердца — сихъ всегдашнихъ жертвъ и цѣли
Тиранства времени и участи земной!...
Когда и гдѣ найти и сохранить умѣли
Блаженство ясное страдальцы подъ луной?
Пока живемъ, душа заключена въ темницѣ,

И сердце, чувства, умъ дѣлятъ неволю съ ней!
Но смерть освободитъ отъ тягостныхъ цѣпей,
И возвратитъ душѣ, какъ истинной царицѣ,
Надъ чувствами, умомъ и сердцемъ полну власть
Творить блаженною намъ въ новой жизни
часть! . . .
Эльвира! тамъ ничто — ничто не нарушаетъ
Тѣхъ кроткихъ радостей, которыя съ тобой,
Близь сердца твоего душа моя вкушаетъ! . . .
Ахъ! вѣрь Религіи: она свѣтильникъ твой!
Она для глазъ твоихъ завѣсу поднимаетъ,
Которая отъ глазъ *Спинозы* сокрываетъ
Предвѣчны таинства о нашей тамъ судьбѣ!...
Иду *туда*, иду съ восторгомъ при тебѣ!

XXVI.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Въ то время, когда она была у обѣдни.

Во храмѣ Божіемъ, предъ олтаремъ святымъ
Эльвиру вижу я душевными очами.
Не суеславія ничтожный, грубый дымъ,
Куримый красотѣ опасными льстецами,
Но вѣрой чистою возженный ѳиміамъ,
Пріятный для Творца, Эльвира обоняетъ
(Кадильный ароматъ среди святыни намъ
Восторгомъ душу наполняетъ!),
И внемлетъ — не хвалы холодныхъ, скучныхъ лиръ,
Тщетѣ и гордости любезныхъ,
Но гимны голосовъ небесныхъ
Тому, Кто создалъ сей великолѣпный міръ,
Эльвира! и тебя; Кто далъ намъ сердце, душу,
Любовь и щастіе, и Кто потомъ изрекъ:
,,Моихъ законовъ не нарушу;
,,Послѣдуй имъ, и будь блаженнымъ, человѣкъ!"
Нигдѣ и никогда прелестнѣе, милѣе
Не представляется взоръ женщины, какъ тамъ,
Гдѣ благочестіе всѣхъ чувствъ другихъ сильнѣе
Въ ея душѣ! Тогда сама она есть храмъ,
Святилище всего изящнаго во нравахъ,
Великаго въ сердцахъ!... Невѣріе умамъ
Прилично мудрецовъ суровыхъ, а не вамъ!
И въ философіи, подобно какъ въ забавахъ,
Вы нѣжны, кротки — и для насъ
Сотворены служить примѣромъ всякой часъ!

Спинозы вашихъ чувствъ конечно не имѣли —
Или бы невѣрію учить не захотѣли!
Эльвира! если бы въ присутствіи Того,
Чей храмъ — вселенная, и Чьими олтарями
Должны лишь быть сердца; Кто властвуетъ царями
И жребіемъ людей; съ Кѣмъ равныхъ — никого,
Я принялъ твой обѣтъ: любить — любить до гроба;
И руки и судьбу соединивъ душой,
Эльвира! мы съ тобой
Упали на колѣна оба,
Чтобы благодарить всещедраго Отца!....
Но ты теперь предъ Нимъ стоишь, благоговѣешь,
И молишь.... не о томъ, о чемъ молю Творца
Съ тѣхъ поръ, какъ сердцемъ ты, душей моей владѣешь!...
Но да исполнитъ Онъ желанія твои!
Его же промыслу ввѣряю и мои.

XXVII.

КЪ НЕЙ ЖЕ,

Когда она была въ Театрѣ.

Въ то время, какъ твой умъ, глаза, вниманье, чувства
На хитры дѣйствія обращены искуства;
Когда окружена ты множествомъ людей;
Когда передъ тобой, когда въ душѣ твоей
Повсеминутныя, различныя движенья:
Цѣль удовольствія, источникъ наслажденья, —
Тогда, въ безмолвіи, одинъ съ самимъ собой,
Я занимаяся, Эльвира! лишь тобой,
Твоими мысляли и чувствами твоими,
Угадываю то, завидую тому,
Что удостоено хвалы, вниманья ими,
Что къ удовольствію служило твоему! —
Чегобъ не отдалъ я за прелесть дарованья,
Которымъ бы твое могъ сердце я плѣнить?
Цѣноюбъ многихъ лѣтъ готовъ я былъ купить
Тобой, душей твоей блаженство обладанья! —
Нѣтъ, не однѣ твои наружны красоты,
Эльвира! страсть въ груди моей воспламенили:
Твой тихій, кроткій нравъ, презрѣнье суеты,
Почтенье къ должности началомъ страсти были
И будутъ жизнію, душей ея навѣкъ! — —
Для щастія рожденъ царь міра, человѣкъ!
Но властенъ ли сей царь надъ участью своею?
Ахъ! часто рабствовать онъ осужденъ предъ нею!

Казаться для другихъ не тѣмъ, что есть — одно
Къ отрадѣ средство намъ природою дано.
Отрада тяжкая!... Не вѣрь, не вѣрь, Эльвира!
Холодности моей! Скрываясь отъ тебя,
Скрываю въ мрачности могильной самъ себя!...
И солнце красныхъ дней, и прелести всѣ міра
Тамъ только для души, для сердца моего,
Гдѣ вижу образъ твой!... Но я бѣгу его!...
Зачѣмъ? не спросишь ты! ... Я *страсти* отвѣчаю:
„На урнѣ Вертера судьбу мою читаю!"
И буду равную, одну я съ нимъ имѣть,
Когда со жребіемъ: *Не мнѣ тобой владѣть,*
Не мнѣ дѣлить съ тобой и радости и горе —
Эльвира! стану ядъ любви съ твоихъ очей,
Ядъ, чувствамъ сладостный, питать въ груди моей!
Ахъ! можетъ быть другой прерветъ нить жизни вскорѣ!
Нѣтъ нужды! жизнь — мечта, тѣнь, призракъ для того,
Кто дышетъ воздухомъ, и больше ничего;
Для каждаго — обманъ всегдашнія надежды,
До самыхъ тѣхъ минутъ, когда сомкнутся вежды
И не раскроются на здѣшнемъ свѣтѣ вновь! —
Но если бы тебѣ всесильная любовь
Хоть слабый знакъ ея мнѣ оказать внушила,
Тогда бы я упалъ къ ногамъ твоимъ — навѣкъ!
Тогда бы въ истину Эльвира превратила
Все то, что горестный страдалецъ, человѣкъ,
Блаженствомъ ложнымъ называетъ;
Чему не вѣритъ онъ — и, ахъ! чего желаетъ.

XXVIII.

КЪ А* И* П***.

Ah! ne l'oublions pas, à la ville, au village,
Le bonheur le plus doux est celui qu'on partage.

Delille.

Взглянулъ на юный лугъ, и сердце взволновалось;
Въ воображеніи все ясно начерталось
Любезное душѣ и памяти моей
Тѣхъ милыхъ для меня и незабвенныхъ дней,
Когда мы всѣ часы, мой другъ, съ тобой дѣлили.
И вмѣстѣ подъ твоимъ смиреннымъ кровомъ жили!
Безцѣнные часы!... Ахъ! вспомни, нѣжный другъ!
Какъ вышли въ первый разъ мы на весенній лугъ;
Какъ всякой травкою, листочкомъ любовались;
Какъ живо прелестьми природы наслаждались;
Съ какими чувствами климатъ щастливый (*) твой
Хвалилъ я, и желалъ въ немъ вѣчно жить съ тобой;
Какіе замки мы на воздухѣ творили;
Какіе родники блаженства находили;
Съ какимъ восторгомъ душъ спѣшили каждый день

(*) Малороссію.

Рабуковскихъ (*) березъ и липъ въ прохладну тѣнь!
Сей Англійскій твой садъ — богатый красотою
Природы лишь одной, гдѣ все ея рукою,
Безъ поту и трудовъ людей, подобныхъ намъ,
Къ веселью чистому доставлено глазамъ;
Гдѣ Гиршфельдъ не имѣлъ участья никакова,
И гдѣ не встрѣтится вамъ бюстъ Нерона злова (**) —
Былъ сценою для насъ пріятнѣйшихъ часовъ:
Тамъ въ сладкой тишинѣ прекрасныхъ вечеровъ
Друзья на зелени Китайскій нектаръ пили
Изъ рукъ Харитиныхъ; рѣзвилися, шутили;
Мораль, политика входили въ разговоръ,
И въ воздухѣ гремѣлъ Софистовъ жаркой споръ.
Вдругъ видимъ: на лугу тѣнь длинная ложится,
Сближается — и чтожъ? съ улыбкою явится
Корнелій-Непотъ (***) къ намъ — безцѣнный сердцу кладъ!
Какъ искренно ему изъ насъ былъ каждый радъ!
Веселье новое нашъ кругъ одушевляло;
Смѣхъ громкій эхо тамъ за холмомъ повторяло.
Нашъ Непотъ тысячу вѣстей, каррикатуръ
Распишетъ тотчасъ намъ, и всякой разъ Амуръ
Началомъ и концомъ его картинамъ служитъ.

(*) Имя рощи его.

(**) Я видѣлъ въ одномъ изъ лучшихъ Московскихъ садовъ бюсты Нерона, Калигулы, Агриппины и подобныхъ имъ: не знаю, можетъ ли сердце находить удовольствіе тамъ, гдѣ попадаются такіе предметы!

(***) Общій намъ пріятель, которому мы дали это имя.

Мой рыцарь съ нимъ живетъ — и щастливъ,
и не тужитъ;
И кто съ товаромъ, друзья, любезнымъ симъ
Не будетъ жребіемъ доволенъ вѣкъ своимъ?
Съ нимъ хижина — чертогъ, скамейка — тронъ
Моголовъ. . . .
По крайней мѣрѣ съ нимъ ни золота, ни тро-
новъ
Сіянье ложное не ослѣпитъ очей. . . .
Ахъ! благомъ истиннымъ, вѣрнѣйшимъ жизни
сей
Во всякой долѣбъ я съ Дельфирой наслаждался,
И надъ фортуной бы отъ всей души смѣялся!
Но ежели любовь мой скромный въ мірѣ путь
Не краситъ розами, и ежели мнѣ въ грудь
Блаженства своего — увы! — не проливаетъ:
То дружба дни мои щастливитъ, украшаетъ.
Ея щедротамъ вновь обязанъ я тобой;
Она, мой милый, насъ и сердцемъ и душой
(Имѣю опыты) навѣкъ соединила;
Она источникомъ обильнѣйшимъ служила
Отрады сладкой мнѣ, и будетъ вѣкъ служить,
Далеколь, близколь рокъ съ тобой велитъ мнѣ
жить.
Все это вспомните, размѣйтесь — и вздох-
ните,
Любезные мои! Такъ, вздохомъ принесите
Дань другу вашему, который часто вамъ
Сердечну дань сію, друзья! приноситъ самъ.

XXIX.

КЪ В* А* К***.

Мелькнулъ — какъ солнце въ дни осенни —
Нашъ милый другъ (*) въ глазахъ моихъ,
И мрачныя унынья тѣни
Покрыли снова все для нихъ! —
Пять дней, не больше, проводили
Мы вмѣстѣ, но душѣ моей
Пять дней сіи наградой были
За тысячу печальныхъ дней!
О дружество, небесный пламень,
Источникъ радостей живыхъ!
Ахъ! въ чьей груди лежитъ не камень,
Тотъ рай въ объятіяхъ твоихъ
Найдетъ — и щастьемъ насладится,
Котораго во всемъ другомъ
Обрѣсть напрасно сердце льстится!
Оно . . . лишь въ дружествѣ святомъ. —
Мы все припомнили, чѣмъ мило,
Любезно память намъ питать;
Что насъ когда-то веселило,
О чемъ . . . я буду вѣкъ вздыхать!
Какъ мы, мой другъ! всѣ вмѣстѣ жили
Въ палаткѣ, иль худой избѣ;
Отечеству, Царю служили;
Упрековъ не творя судьбѣ,

(*) Е. С. Ю.

довольны малымъ быть умѣли,
Считали радостями дни,
И только лишь того *хотѣли*,
Чтобъ вѣчно такъ текли они.
Какъ въ длинны вечера музыкой
(Ты помнишь) забавлялись мы;
Или полезною наукой
Старались просвѣщать умы.
Любя Поэзію прелестну,
Мы нектаръ почерпали въ ней,
И сильну власть ея, чудесну
Мы познавали на людей.
Не разъ читая *Россіяду*,
Позабывали пищу, сонъ...
„Не самъ ли нашу *Иліаду*
Писалъ богъ пѣсней — Аполлонъ?"
Въ восторгѣ душ мы восклицали —
И чувства пламенны рѣкой
Въ словахъ несвязныхъ изливали.
Увы! жестокою судьбой
Теперь другъ съ другомъ разлученны,
Мы можемъ только вспоминать
Прелестные тѣ дни, блаженны,
Которыхъ.... намъ ужъ не видать!
Отъ мысли сей перо упало
Изъ рукъ моихъ — и сердце вдругъ
Въ груди моей затрепетало.
Но можетъ быть, любезный другъ,
Когда нибудь Судьбы смягчатся,
И разлученные друзья
На вѣкъ, на вѣкъ соединятся!..
Надеждой оживляюсь я. — —
Припамятуй сіи прекрасны,
Мой другъ, стихи изъ Аонидъ:
Что душу странниковъ нещастныхъ
Отрадой сладкою живитъ?

Надежда — что труды не вѣчны;
Что стель, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Въ прохладѣ нѣжнаго Зефира
Жить будетъ съ милою семьей.

XXX.

Къ достопочтенному сосьду, П* Н* Ж***.

Когда бичь страшный нашихъ дней,
Ниспосланный на землю Богомъ —
Чтобъ въ жребіи правдиво-строгомъ
Смирить надменный духъ страстей,
Противныхъ Небу, щастью вредныхъ,
Въ своемъ успѣхѣ самомъ бѣдныхъ;
Когда Аттила и Неронъ,
Воскресшіе въ лицѣ ужасномъ
(Но больше міру неопасномъ),
Подъ именемъ: *Наполеонъ*;
Когда сей, словомъ, извергъ злобы,
Изшедшій ада изъ утробы,
Убійственной рукой своей
Разсѣялъ кровныхъ и друзей
По отческой странѣ обширной,
Лишивъ обители ихъ мирной
И чуждыми заставивъ быть
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили и родились,
Дѣтьми своими веселились;
Гдѣ вѣкъ надѣялись дожить
Въ спокойной, щастливой судьбинѣ,
И гдѣ холодный пепелъ нынѣ:
Тогда нечаянно со мной,
Къ отрадѣ сладкой мнѣ, въ сосѣдствѣ
Почтенный благодѣтель мой,
Нужнѣйшій намъ всѣхъ прочихъ — въ дѣтствѣ.
Открыть съ началомъ жизни путь
Для насъ по склонностямъ врожденнымъ,

Есть — Прометеевъ огнь вдохнуть
Къ успѣхамъ въ свѣтѣ вожделѣннымъ;
Есть лучшее изъ лучшихъ благъ
Намъ въ мірѣ семъ, гдѣ первый шагъ
Рѣшаетъ участь нашу темну —
И мы по тернамъ, иль цвѣтамъ
Проходимъ нравственно вселенну. . . .
Я опытомъ извѣдалъ самъ
Сего закона непреложность:
Ты подалъ къ щастью мнѣ возможность,
Открывъ съ началомъ жизни путь
По склонностямъ моимъ врожденнымъ;
И ежели не могъ вдохнуть
Огня къ успѣхамъ вожделѣннымъ,
То скудный даръ тому виной
Природы - мачихи скупой!
Но благодарностью хранимый,
Пылаетъ огнь неугасимый
Въ груди моей, какъ ѳиміамъ
На олтарѣ передъ святыней:
Душа моя есть вѣчный храмъ,
Гдѣ съ добродѣтелью - богиней
Сліянъ почненный образъ твой,
Сосѣдъ, благотворитель мой!
Но мой ли только? — И недавно
Подобный подвигъ ты свершилъ:
Какъ для меня, отцомъ ты былъ,
Для юноши, и пекся равно
О щастьи вѣрномъ для него.
Благодѣянья твоего
Я бывъ посредникомъ, дивился
Двумъ случаямъ, столь сходнымъ симъ;
Мечталъ, что въ юношѣ родился
Я снова сыномъ быть твоимъ. . . .
И быть имъ въ сердцѣ не престану,
Доколѣ чувствомъ не увяну

И не сойду въ могильный сводъ!
А ты вкушай сладчайшій плодъ
Твоихъ святыхъ благотвореній!
Да сохранитъ тебя твой Геній
Среди житейскихъ частыхъ бурь
Спокойнымъ, здравымъ, невредимымъ!
И солнце благъ незаходимымъ
Да жизни твоея лазурь
На гаризонтѣ ввѣкъ сіяетъ
И слѣдъ твой къ небу озаряетъ!

XXXI.

КЪ ТОНЧІЮ.

Сосѣдъ, любимецъ Музъ и Грацій,
Воспѣтый славнымъ другомъ ихъ (*);
Апеллъ, которому *Горацій*
Принесъ на звукахъ струнъ златыхъ
Дань благодарности нетлѣнной
За образъ свой, одушевленной
Безсмертной кистью на холстѣ!
Привѣтствую тебя стихами!
И въ сладостной своей мечтѣ
Дерзаю стать въ ряду съ пѣвцами,
Достойными тебя, сосѣдъ,
Который самъ большой поэтъ!
Но ты и философъ любезной;
Премудрости знакомъ ты съ *бездной*,
Съ ученой древностью сѣдой
И съ новомодными умами;
Играешь мыслями, словами
Съ щастливой легкостью порой;
Въ чемъ хочешь каждаго увѣришь
Всесильной логикой своей;
Мгновенно область всю измѣришь
Тончайшихъ, выспренних идей,
И на ладони весь представишь
Метафизическій намъ міръ,
Благоговѣть предъ нимъ заставишь;
Велишь парить съ собой въ эѳиръ,

(*) Г. Р. Державинымъ, котораго нынѣ оплакали онѣ, вмѣстѣ со всѣми почитателями сего безсмертнаго поэта.

И взоръ души туда направить,
Гдѣ истину укажешь ей,
Безъ ослѣпительныхъ лучей,
Но въ наготѣ — однимъ прелестной,
И непріятной для другихъ —
И жить съ богинею небесной
Вселишь желаніе въ благихъ!
Всесокрушающему (*) Канту,
Сему натуры Корибанту,
Перчатку бросивъ иногда
(Твоя невинная забава),
Восторжествуешь ты всегда —
И честь тебѣ, сосѣдъ, и слава!
Но вопрошу тебя, сосѣдъ:
Когда-нибудь имѣлъ ли свѣтъ
Такое множество, какъ нынѣ,
Философическихъ задачь
О недовѣдомой *судьбинѣ*
Людскихъ успѣховъ, неудачь
На всемъ земномъ шару извѣстномъ
И времени въ кругу столь тѣсномъ?
Тогда какъ для подобныхъ дѣлъ
Столѣтій нуженъ былъ предѣлъ
И уголокъ одинъ въ подлуной;
Тогда какъ вѣкъ ученой, умной —
Гораздо болѣе вѣковъ
Перикла, Августа, всѣхъ бывшихъ —
Грозилъ позоромъ намъ оковъ,
Для *варваровъ стыдомъ* служившихъ?
Какой противорѣчій духъ!
И все творятъ *Китайски тѣни* (**)!...

(*) Эпитетъ, данный ему *Іудейскимъ Сократомъ*, Мендельзономъ, по увѣдомленію *Руского Путешественника* въ его письмахъ изъ Берлина.

(**) Такъ называетъ Г. Тончи людей въ отношеніи къ ихъ тѣлесному состоянію.

Но гдѣ раздоровъ адскихъ другъ,
И гдѣ *волшебны бюллетени*?...
Другъ мира, истины, добра
На нихъ воздвигнулъ *вся благая*! —
Всему есть очередь, пора!
Скажу, Посланіе заключая,
И къ оправданію сихъ стиховъ,
Что всѣмъ системамъ мудрецовъ
Я *Оптимизмъ* предпочитаю:
Ты сталъ *по случаю* моимъ
Сосѣдомъ близкимъ, дорогимъ —
И Музъ къ себѣ я призываю,
И имъ работу задаю,
И хоть не складно, да *пою*.

XXXII.

КЪ И* И* Д***,

НА НОВОСЕЛЬЕ.

Вхожу въ твой новый домъ съ пустыми я руками,
Но съ полнымъ сердцемъ и душой
Желаній искреннихъ, чтобъ твердо небесами
Хранимы были ввѣкъ здоровье и покой
Хозяина подъ кровомъ мирнымъ;
Чтобъ украшался онъ
Любовью, дружбою; чтобъ Музы, Аполлонъ
Вновь поселилися съ тобой, и звукомъ лирнымъ
Манили бы со всѣхъ сторонъ
Къ тебѣ по прежнему своихъ питомцовъ милыхъ;
Чтобъ съ ними и съ самимъ собой
Не вѣдалъ ты отнюдь дней пасмурныхъ, унылыхъ;
Чтобъ, словомъ, былъ своей доволенъ ты судьбой,
И наконецъ свершилъ столь общее желанье,
Пріятное для всѣхъ исполнилъ обѣщанье,
Которымъ нѣкогда польстивъ намъ, измѣнилъ!...
Но я, какъ гражданинъ, ни мало не жалѣю,
И выгодамъ Царя, Отечества радѣю:
Отечеству, Царю ты съ вѣрностью служилъ!...
Но время, чтобы *нашъ* ты навсегда ужъ былъ.

И я къ почтенному, желанному сосѣду
Не рѣдко буду приходить
Для чувства и ума въ полезную бесѣду
И пищу въ ней душѣ и мыслямъ находить.
Учиться никогда не поздно!
Вся наша жизнь не что, какъ школа, гдѣ судьбы
Взоръ обращенъ на насъ то съ ласкою, то грозно,
И всякой день беремъ ея уроки мы.
Я буду для себя другіе брать уроки
Въ сообществѣ твоемъ. Тамъ вѣрный, тонкій вкусъ,
Идеи и слова игривы и высоки —
Хотя послѣднія не кончатся на *усъ* —
Для прозы и стиховъ мнѣ будутъ вновь компасомъ,
Который велъ меня чрезъ бездны, по волнамъ,
Къ незримымъ мной еще странамъ,
Когда на челнокѣ сближался я съ Парнассомъ;
Когда подъ вѣяньемъ прелестнѣйшихъ надеждъ
Стремился ко брегамъ цвѣтущимъ Иппокрены,
Не думая о томъ, что гордыхъ злость невѣждъ
Откроетъ предо мной прискорбнѣйшія сцены,
Что вмѣсто критики найду я только брань —
Ума заблудшаго корысти низку дань —
И вмѣсто шутокъ благородныхъ
Пасквили плоскія въ стихахъ, *пѣвцамъ* несродныхъ!
Въ твоемъ кругу такихъ *твореній* никогда
Я видѣть къ щастію не буду,
И можетъ статься навсегда
О нихъ, какъ о ночныхъ фантомахъ, позабуду;

Но въ сферѣ истинныхъ талантовъ ощущать
Начну ихъ дѣйствіе благое,
И духъ мой ими насыщать,
И чувствовать свое существованье вдвое.
Тибуллъ и Лафонтенъ,
Попеременно даръ восторга сообщая,
Мнѣ приведутъ на мысль вѣкъ славныхъ тѣхъ времен,
Когда плѣняла свѣтъ ихъ лира золотая. —
Одинъ пріятный день дороже, чѣмъ весь годъ,
И смѣхъ — сокровище скучавшимъ жизни драмой!
Нерѣдко острою, забавной эпиграммой
Развелюсь — хотябъ на собственный свой счетъ.
И кто изъ насъ въ себѣ смѣшнаго не имѣетъ?
Кто совершенствами со всѣхъ сторонъ владѣетъ?
Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно —
Умнѣйшимъ сказано поэтомъ,
Врагомъ сатиры злой, — и я согласенъ въ этомъ;
Но въ самолюбіи насъ должно пощадить, —
Для стрѣлъ Аттическихъ искуснымъ Грекомъ быть!
Но наши грубые, безъ вкуса *Силлографы*
Не слѣдуютъ тебѣ, — и все для нихъ предметъ
Насмѣшекъ площадныхъ: Гомеры, Стерны, Сафы —
Спасенья никому и въ царствѣ мертвыхъ нѣтъ!
Въ саду твоемъ съ тобой я буду Эпикуромъ,
По наслажденію роскошному души;
Приду подчасъ гулять съ женою и Амуромъ....

Всѣ будутъ для меня минуты хороши
Въ твоей обители прекрасной!
Но всѣ ихъ описать — трудъ былъ бы мой напрасной:
Онъ выше силъ моихъ!
Другіе скажутъ *все* тебѣ въ стихахъ своихъ,
И лучше моего: Поэта новоселье —
Музъ праздникъ, пиршество, веселье!

XXXIII.

Къ В* И* К***.

(Въ его записную книжку.)

Дозволишь ли ты мнѣ, любезный мой Поэтъ,
Подать тебѣ въ стихахъ усерднѣйшій совѣтъ—
На память искренней пріязни?
По праву опытовъ моихъ, по праву лѣтъ
Сказать открыто, безъ боязни
О томъ, что нахожу полезнымъ для тебя,
Таланты, истину и ближняго любя?
И такъ для выгоды предметовъ сихъ священныхъ,
И слѣдственно твоей,
Я къ дѣлу приступлю. Наука *знать людей*
Должна быть съ юности наукою рожденныхъ,
Какъ ты, съ чувствительной душой, —
Чтобъ послѣ не платить раскаянья слезой
За горестный обманъ наружности притворной
Въ любви и дружбѣ — сихъ
Властительницъ твоихъ:
Извѣстно это мнѣ; будь рыцарь ихъ покорной,
Но только не герой Сервантовъ, — или ты
Игралищемъ своей останешься мечты,
И больше ничего! Съ мущинами будь скроменъ;
Молвь слово о себѣ и десять жди отъ нихъ;
А съ женщинами будь ни холоденъ, ни томенъ, —
Учтивъ— и будешь милъ для тѣхъ и для другихъ.
Надежность твердая, увѣренность слѣпая,
Что можемъ занимать собою всякой часъ,

И всѣхъ и каждаго, — ужасный вредъ для насъ,
Тѣнь мрачная, густая
Для нашихъ истинныхъ достоинствъ! Эгоистъ,
Или поруски, кто безъ милости рѣчистъ,
Въ большемъ ли обществѣ, въ кругу короткихъ съ нами,
Несносенъ съ лучшими идеями, словами!
Цѣни себя, свой даръ, познанія свои,
Но не всходи отнюдь на каѳедру въ бесѣдѣ, —
Иль будутъ тягостны всѣмъ лекціи твои,
Смѣшны и скучны! Будь на ужинѣ, обѣдѣ,
На вечеринкѣ *гость пріятнѣйшій всегда;*
И для того другимъ дай случай иногда
Блеснуть талантами — нѣтъ нужды, что съ твоими
Равняться имъ нельзя; но ты *равняйся* съ ними:
Вотъ тайна, наконецъ, *любезнымъ прямо* быть!
Но мнѣ пора *перо сухое* положить,
И снисхожденія просить
У юнаго Поэта
Къ усердью моего нельстиваго совѣта.

XXXIV.

КЪ Б* К* Б***,

КРЕСТНОМУ ОТЦУ МОЕЙ ДОЧЕРИ.

Вотъ новый сердца долгъ, пріятный и священый —
Долгъ сердца моего — благодарить тебя,
Другъ истинный, нелицемѣрный,
Путь добродѣтели избравшій для себя
И вѣрною стопой по немъ всегда идущій,
Безъ уклоненія къ приманчивымъ страстямъ;
Душевной чистоты надежный щитъ несущій
Рукою твердою — да смертоносны намъ
Ихъ стрѣлы мѣткія въ обломкахъ отразятся!
Сто опытовъ явивъ любви своей къ отцу,
Судьбою дочери желаешь ты заняться!
Желаешь дать отчетъ Всевышнему Творцу
И въ чувствахъ и въ дѣлахъ тобою воспріятой
Отъ сей таинственной купели, гдѣ омытъ
Грѣхами человѣкъ объятой,
И жребій гдѣ его блаженнѣйшій сокрытъ!
Такъ! вѣры истинной святые чтя уставы,
Ты дочери моей въ грудь юную вливать
Ученіемъ своимъ благіе будешь нравы
И добродѣтели примѣры подавать.
Ты къ дѣтямъ собственнымъ дитя мое причислишь,
Усыновишь, мой другъ, его
Во глубинѣ души внутрь сердца своего.
Ахъ! ты не такъ, какъ *всѣ*, и чувствуешь и мыслишь!

За то не всѣ, какъ ты, и щастливы — собой,
Своею совѣстью, и сердцемъ и душой.
Они источники благъ временныхъ и вѣчныхъ
Для озареннаго Религіей ума!
Другіе суть мечта дней бренныхъ, скоротечныхъ;
Суть идолы умовъ, которыхъ знанья — тьма,
Надежды — призракъ, цѣль — ничтожество могилы;
Которымъ выгоды лишь собственныя милы!
Но ты всего скорѣй забудешь о своихъ,
Когда для ближняго твои услуги нужны;
Не вѣсишь на безмѣнъ и не считаешь ихъ;
Нетщетныя слова и виды не наружны,
Но дѣйствія: — вотъ твой въ семъ случаѣ девизъ!
Моимъ же есть, была и будетъ благодарность:
Одно, что мнѣ въ удѣлъ фортуны далъ капризъ;
Чѣмъ я могу платить.... прочь, фразъ высокопарность!...
Я просто говорю: чѣмъ я могу платить
За все, безцѣнный другъ, тобою
Содѣланное мнѣ!... Могу еще любить,
Какъ любишь ты: со всей душою!
Такая лишь любовь достойна есть тебя!
Но еслибъ милостей достоинъ былъ небесныхъ
Твой вѣрный другъ, то онъ желалъ бы для себя
На остальной свой вѣкъ завидныхъ дней, прелестныхъ:
Патріархальнаго близь крова твоего
Жить подъ своимъ смиреннымъ кровомъ.
О какъ бы щастіе украсило его!
И сколькобъ я нашелъ въ существованьи новомъ
Источниковъ утѣхъ, до нынѣ вовсе мнѣ,
Душѣ моей, уму и сердцу незнакомыхъ!

Тамъ въ мирной, радостной, полезной тишинѣ,
Напрасно въ обществѣ искомыхъ,
Обрѣлъ бы множество я вѣрныхъ средствъ къ тому,
Чтобы образовать *по плану* своему
Созданье милое, сей цвѣтъ въ моральномъ мірѣ,
Краса творенья и вѣнецъ, —
Назначенный Творцомъ для щастія сердецъ,
Нѣтъ нужды, въ рубищѣль возникнетъ, иль порфирѣ! . .
Но лучшей выгодой для дочери моей
Твоя бесѣда бы служила;
Она конечнобъ ей
Жан-Жаковъ, Локковъ замѣнила!

XXXV.

КЪ МОЕЙ ПОДРУГѢ.

Тебѣ одной стихи писать
Еще не скоро перестану:
Пока душею не увяну,
Все будетъ мило мнѣ сказать
Простыми, легкими стихами
И не отборными словами,
Но ясными, какъ образъ твой;
Сказать, что въ сердцѣ происходитъ;
Гдѣ радость, грусть оно находитъ;
Ввѣрять его тебѣ одной!
Извѣстно, что для Музъ и Грацій
Питомцевъ ихъ скучна зима;
Что съ нею блекнетъ цвѣтъ ума;
Что самъ Виргилій и Горацій,
Овидъ, Корнель, Руссо (*), Вольтеръ
Въ брань были заводимы *Кроном*ъ
Съ миролюбивымъ Аполлономъ:
Какой урокъ, какой примѣръ!
„Умѣй, поэтъ, остановиться!"
Поэтъ же нѣкогда сказалъ:
„Судьбѣ всеобщей покориться,
Когда ты даръ свой уважалъ:
Онъ *былъ*, онъ *есть* пріятенъ, славенъ,
Но *будетъ* скученъ, сухъ, неправенъ....
Ахъ! времени таковъ уставъ!"
Наставникъ мой конечно правъ.

(*) Поэтъ.

Все сносно лѣтъ во цвѣтѣ, силѣ:
Безсонница, насмѣшка, стыдъ.
Мнѣ Голіѳъ предсталъ въ Зоилѣ:
Иду сразиться, какъ Давыдъ.
Нѣтъ нужды, что не мнѣ побѣда
Вручила лестный свой вѣнокъ:
Я также веселъ у сосѣда,
Какъ будто Пиндаръ я, Клопштокъ.
Но въ лѣтахъ опытовъ, разсудка
Покой, покой всего милѣй!
Шумъ славы — Франклинова дудка (*),
Гремушка пожилыхъ дѣтей.
А быть дитятей съ сѣдиною
Куда какъ горестно душѣ!
Хочу имѣть лишь хлѣбъ съ водою
И жить безвѣстно въ шалашѣ,
Чѣмъ *вѣкъ* платить цѣной покоя
За слово похвалы (не стоя,
Легко быть можетъ, и того!),
Тогда какъ пять другихъ его
Безжалостно опровергаютъ
И часто вмигъ уничтожаютъ!
Вѣкъ строить башни на пескѣ!
За часъ утѣхъ быть день въ тоскѣ!
Нѣтъ, нѣтъ! я болѣ не плѣняюсь
Терновымъ поприщемъ пѣвцовъ;
Смиренно, тихо удаляюсь
Отъ Аполлоновыхъ борцовъ
И, общу дань платя природѣ,
Не стану, на примѣръ, искать
Вѣнка въ холодной драмѣ, одѣ;
Но стану иногда писать —
Ни Музъ, ни Грацій не тревожа —

(*) Извѣстное сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Франклинова дудка.*

Посланье скромное къ тебѣ
(На Музъ и Грацій ты похожа:
Тебя звать буду я къ себѣ).
Всѣ тайны сердца предъ тобою
Открою съ чистою душою;
Ты будешь безпристрастный ихъ
Во всемъ всегда судья, свидѣтель;
И если благость, добродѣтель
Найдешь любезными для нихъ,
То знай, что чувствами моими,
Не тщетными дарами сими —
О другъ безцѣнной, милой мой!
Я одолженъ тебѣ одной.
Такъ, всемъ умомъ своимъ, стихами
Проперцій одолженъ любви. —
Она теряетъ власть надъ нами
Съ послѣдней искрою въ крови!

XXXVI.

КЪ АЛИНѢ.

Бояться ли мнѣ стрѣлъ тупыхъ, но ядовитыхъ,
Косою злобою бросаемыхъ на грудь,
Гдѣ образъ милый твой въ сліяньи чувствъ сокрытыхъ?...,
Но ты сама щитомъ моимъ, Алина, будь! —
Взгляни съ презрѣніемъ на мнимаго Катона,
Судью холоднаго любви моей къ тебѣ,
И обрати потомъ свой взоръ на Аполлона
Въ сердечной, пламенной мольбѣ:
Да буду вдохновенъ имъ въ нѣжномъ пѣснопѣньи,
Которыхъ ты всегда единственный предметъ! —
Пускай лжемудрецы, въ нещастномъ ослѣпленьи,
Стараются прельстить непостоянный свѣтъ
Сатирой на любовь. Они ее не стоятъ:
Вотъ мщеніе любви, вотъ наказанье ихъ!
Они любовь мою къ тебѣ еще удвоятъ —
Не въ сердцѣ: тамъ не льзя — въ *Посланіяхъ* моихъ....
Я вѣрю, милой другъ, что многіе *зѣваютъ*
При чтеніи стиховъ, излитыхъ изъ души;
Что *оды для вельможъ* имъ только хороши,
Затѣмъ что имена они вельможъ сихъ знаютъ.
Ахъ! въ свѣтѣ мало ли людей?
Но, къ щастію, не всѣ изъ одинакой глины
Составлены Творцемъ вселенной чудной сей!...
Фарфору должно быть на горкѣ у Алины!
Алина! если ты посланіямъ моимъ,

Симъ отпечаткамъ чувствъ простыхъ, нелицемѣрныхъ,
Досугомъ жертвуешь съ охотою своимъ;
Улыбку иль слезу — сихъ признаковъ столь вѣрныхъ
Успѣха моего — за стихъ несешь мнѣ въ даръ:
Ахъ! что тогда стрѣлы Зоиловой ударъ!
Онъ воздухъ поразитъ; но сердце, грудь хранимы
Любовію твоей, пребудутъ безъ вреда!
Невинныя сердца ввѣкъ злобою гонимы,
И щастіе другихъ ей лютая бѣда! —
Но если бы стихи мои судьбу имѣли
Стиховъ *Красавицѣ въ альбоумъ* (*), то онѣ
Какъ молнія изъ рукъ твоихъ бы полетѣли,
И очутились — на огнѣ.
Съ какимъ усиліемъ, я помню, ты читала
Сей странный мадригалъ;
Сердилась даже, — восклицала:
„Какой Анахоретъ стихи сіи слагалъ?
„*Красавицу* пугать *мытарствами*, *Хароном*ъ;
„Звать *окаянною*, указывать ей *адъ*,
„Куда *пѣвецъ* почти ее отправить радъ!...
„Нѣтъ, нѣтъ! онъ никогда священныхъ Музъ предъ тронамъ
„Не будетъ признанъ за пѣвца
„Красавицъ и.... не ихъ плѣнять ему сердца!"
Я слушалъ и клялся быть *нѣжнымъ* до могилы,
Любить тебя, мой другъ, *Алина*, всей душой;
Стараться, чтобъ мои *Посланья* были милы
Тебѣ и только тѣмъ, кто сходствуетъ съ тобой!

КОНЕЦЪ.

(*) Напечатанныхъ въ одномъ *странномъ* Журналѣ, гдѣ много сказано было *страннаго* на счетъ *Посланій къ Алинѣ*.

H47 74

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

DEC 73

N. MANCHESTER,
INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS
0002529467 1